

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 5. М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

ПОДЪЯВЛЯЕТСЯ

ВЪ ТИПОГРАФИИ

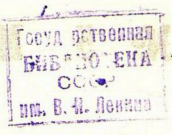
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 30 апрѣля 1858 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ВЪ ТИПОГРАФИИ

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША,
на углу Вознесенск. и Екатерингофск. проспектовъ, въ домъ Леа.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

	<i>стр.</i>
Вечеръ, стих. Н. Кельша	1
Ёлка, (сказка <i>Андерсона</i>)	3
Олень и верблюдъ	19
ОХОТА НА БѢГЛЫХЪ НЕГРОВЪ (<i>изъ Диллица</i>) . . .	27
ОБОЖАТЕЛИ ОГНЯ (<i>отрывокъ изъ путешествія</i> <i>Иды Пфейферъ</i>)	48

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ:

X. Кадмъ	60
XI. Преданіе объ Эдипѣ:	
1. Рожденіе и юность Эдипа	64
2. Эдипъ въ Оивахъ: бракъ его съ матерью	68
3. Открытіе тайны	70
4. Казнь Эдипа и Иокасты	77
ГЁТЕ (<i>статья первая</i>)	79
Ископаемый уголь (<i>статья первая</i>)	128

Содержание

1. Введение	1
2. Описание предмета исследования	2
3. Методика исследования	3
4. Результаты исследования	4
5. Заключение	5
6. Литература	6
7. Приложение	7
8. Справочный материал	8
9. Заключение	9
10. Литература	10
11. Приложение	11
12. Справочный материал	12

В Е Ч Е Р Ъ .

Страшно воегъ вѣтеръ,
Страшно выюга злится;
Сердце тайной грустью
Ноетъ и томится.

Дребезжитъ окошко,
На дворѣ такъ темно....
Присмирѣли дѣти
И усѣлись скромно.

Съ лаской нянѣ шепчетъ
Бѣлокурый Ваня:
«Разскажи намъ сказку,
Миленькая няня!...»

Блещутъ нетерпѣньемъ
Голубые глазки —
Хочется послушать
Дѣтямъ страшной сказки.

Няня начинаетъ
Были-небылицы
Про Бову, Руслана,
Про перо Жарь-птицы....

Тутъ и Змѣй-Горынычъ,
И Кощей убогій,
Чудо-рыба въ морѣ,
Въ полѣ три дороги;

Тутъ и Сивко-Бурко
Съ гривой золотою,
Темный лѣсъ, избушка
Съ Бабою-Ягою....

Страшно дѣтямъ, страшно:
Каждый къ нянѣ жметя....
На дворѣ вой вѣтра
Грустно раздается....

И. Кельшъ.

ЁЛКА.

(Сказка Андерсона).

Въ лѣсу росла маленькая, хорошенькая ёлка. Она стояла на просторномъ, свѣтломъ мѣстѣ; солнце свободно сіяло надъ нею, воздуха было ей довольно, а поодаль вокругъ нея стояли ея товарищи, другія ели, старѣе ея. Но маленькой ёлкѣ хотѣлось вырасти большою! Она и вниманья не обращала на теплое солнце, на свѣжій воздухъ; она и не смотрѣла на деревенскихъ дѣтей, которыя приходили въ лѣсъ за малиной и земляникой, и болтали, и бѣгали около нея. Иногда дѣти эти прибѣгали съ полной корзиной ягодъ, или съ напизанной на соломенку земляникой, прибѣгали и садились подлѣ ёлки, смотрѣли на нее, и говорили: «какая она крошка, какая маленькая!» Ёлка терпѣть не могла этихъ замѣчаній.

На слѣдующій годъ она выросла на цѣлое колѣнцо; чрезъ годъ еще на колѣнцо. Вѣдь по колѣнцамъ и узнають сколько ёлкѣ лѣтъ.

«Ахъ, когда-то я выросту, когда-то я буду большимъ деревомъ, какъ всѣ другія! твердила маленькая ёлка. Тогда бъ я могла далеко раскинуть свои вѣтви и маковкой видѣть весь міръ! Птицы вили бъ гнѣзда въ моихъ вѣтвяхъ, а когда задуетъ вѣтеръ, я только важно качала бы одной вершинкой, вонъ, какъ тѣ.»

И она нисколько не радовалась солнцу и птицамъ, и алымъ тучкамъ, которыя утромъ и вечеромъ плыли надъ ней.

Настала зима, бѣлый снѣгъ, блестя и искрясь, упалъ на землю. Въ это время изъ чащи лѣса выбѣгалъ иногда заяцъ и, не оглядываясь и не останавливаясь, бѣжалъ прямо и перескакивалъ черезъ ёлку. У, какъ это ее сердило! Но прошли двѣ зимы, на третью ёлка выросла и заяцъ ужъ не скакалъ черезъ нея, а долженъ былъ ее обѣгать.

Осенью пришли крестьяне и срубили самыя большія ели. Въ то время молоденькая ёлка была уже довольно высока, и ей было странно видѣть какъ съ трескомъ падали большія, могучія деревья; вѣтви ихъ обрубали и они лежали на землѣ, нагія, длинныя, некрасивыя: ихъ нельзя было узнать. Потомъ ихъ взваливали на телеги и увозили изъ лѣсу. Куда везли ихъ, что ожидало ихъ въ будущемъ?

Весной прилетѣли ласточки и журавли. Ёлка

спрашивала ихъ не знаютъ ли они, куда увезли большія деревья, не встрѣчали ли они ихъ? Лас-точки ничего не знали; но одинъ журавль задумался, кивнулъ головой и сказалъ: «Я знаю. Я встрѣтилъ много новыхъ кораблей, когда летѣлъ изъ Египта; на корабляхъ были высокія, славныя мачты; я почти увѣренъ, что эти мачты именно были тѣ ели, о которыхъ ты спрашиваешь: отъ нихъ пахло смолой. Они теперь лихо зажили!»

— «Ахъ, еслибъ я была довольно высока, чтобъ сдѣлаться мачтой и поскорѣе уѣхать! Но море... что же это такое — море? — какое оно?»

«Разсказывать тебѣ все это, слишкомъ длинная исторія,» отвѣчалъ журавль и ушелъ.

«Радуйся своей юности!» говорили ей солнечные лучи, «радуйся своему здоровому, крѣпкому росту, молодой жизни, которою ты живешь!» И вѣтеръ цѣловалъ ёлку, и роса роняла на нее свои слёзы, но ёлка этого не понимала и не цѣнила.

Къ Рождеству опять пришли рубить ели, но только однѣ молоденькія, такія, которыя были не выше нашей ёлки, нѣкоторыя даже и ниже ее. Въ эти-то дни, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нетерпѣнье мучило бѣдную ёлку; мучило ее желанье уйти вонъ изъ лѣса. Эти молодые срубленные деревья были самыя красивыя во всемъ лѣсу, и у нихъ не обру-

бались вѣтви, ихъ просто клали на телеги и лошади ихъ увозили.

«Куда же ѣдутъ онѣ?» спрашивала ёлка: «онѣ не больше меня, даже еще меньше, одна была гораздо меньше меня! Зачѣмъ у нихъ остаются вѣтки? Куда увезли ихъ?»

— «Мы это знаемъ, мы знаемъ!» защебетали воробьи. «Какъ мы были въ городѣ, такъ мы заглядывали въ окна. Мы знаемъ куда ихъ увезли. Ихъ увезли для такихъ чудесъ и великолѣпій, какихъ и вообразить себѣ нельзя. Мы смотрѣли въ окна; мы видѣли, все видѣли. Онѣ стоятъ въ теплой комнатѣ, на самой срединѣ; на нихъ навѣшаны чудныя вещицы, золотыя яблоки, пряники, игрушки и тысячи свѣчей.»

«Ну, и что же, — что онѣ дѣлаютъ?» спросила ёлка, затрепетавъ всѣми вѣтками, «что же онѣ дѣлаютъ?»

— «Больше мы ничего не видали, да лучше этого ничего и видѣть нельзя.»

«Дождусь ли я такого счастья? Кто знаетъ, можетъ быть, и мнѣ суждено пройти этимъ свѣтлымъ, волшебнымъ путемъ,» думала ёлка. «Это еще лучше, чѣмъ плыть по морю! Какъ бы я хотѣла, чтобы скорѣе шло время; когда-то опять настанетъ Рождество! Теперь и я такая же, какъ другія: такого же роста, такъ же сильна, какъ тѣ, которыхъ увез-

ли въ прошедшемъ году! Ахъ, когда-то я буду на телегѣ! Эхъ, если бъ я теперь уже была въ той теплой комнатѣ, въ этомъ блескѣ и великолѣпши. А потомъ что? О, потомъ будетъ еще лучше: а то, для чего жъ бы такъ украшать? Послѣ непременно будетъ лучше, великолѣпнѣе, восхитительнѣе. Но что? — Ахъ, я страдаю, страдаю и не знаю сама, что со мной!»

— «Живи, и радуйся съ нами!» сказали ей солнце и воздухъ. «Радуйся своей свѣтлой юности, здѣсь на просторѣ и привольѣ.»

Но ёлка не радовалась, не радовалась нисколько; между тѣмъ все росла и росла. Зиму и лѣто стояла она въ лѣсу зеленая, темно-зеленая.... Тѣ, которые ее видѣли, говорили: «вогъ славное дерево!» и къ Рождеству ее срубили прежде всѣхъ. Глубоко всадили въ нее топоръ; со стономъ упала ёлка на землю. Она чувствовала сильную боль. Ей было дурно, о счастья она и думать не могла. Ей вдругъ стало грустно разставаться съ родной, съ мѣстомъ, на которомъ она выросла. Она знала, что не увидитъ болѣе ни своихъ старыхъ товарищей, ни маленькихъ кустиковъ и цвѣтковъ, которые росли вокругъ нея; можетъ быть, и птичекъ никогда не услышитъ. Отъѣздъ нисколько не былъ приятенъ.

Ёлка очнулась только на дворѣ, когда ее стали

снимать съ телеги вмѣстѣ съ другими деревьями, и услышала какъ кто-то сказалъ: «вотъ славная ёлка; такую-то намъ и надо.»

Тотчасъ пришли два лакея въ ливреяхъ и понесли ёлку въ большую, прекрасную залу. Тамъ на всѣхъ четырехъ стѣнахъ висѣли картины, а подлѣ большой изразцовой печи стояли большія китайскія вазы, со львами на крышкахъ. Чего тамъ не было, въ этой залѣ? и штофные диваны, и стулья, которые раскачивались, большіе столы, на которыхъ лежали книги, — всѣ съ картинками, игрушекъ на тысячу тысячъ рублей; можетъ быть и не на столько, но дѣти говорили, что именно на столько.

И вотъ ёлку поставили въ песокъ, въ большую кадку, но никто бы не сказалъ, что это была кадка, потому что она кругомъ была обложена чѣмъ-то зеленымъ и стояла на большомъ пестромъ коврѣ. Какъ дрожала ёлка! Что-то будетъ теперь? И вотъ слуги и барышни начали ее убирать. Они привѣсили на вѣтки сѣточки изъ пестрой бумаги. Въ каждой сѣточкѣ лежали конфекты; привѣсили золотыя яблоки и орѣхи, и казалось, что эти орѣхи и яблоки выросли на ёлкѣ. Потомъ они прикрѣпили къ ней цѣлую сотню, нѣтъ больше сотни, красныхъ, синихъ и бѣлыхъ свѣчей. Куклы, которыя были точно живые люди (ёлка никогда прежде

не видала куколь) также висѣли на ней, а на самый верхъ, на маковку прикрѣпили золотую звѣзду изъ бумаги. Все это было чудно хорошо, — заглядѣнье...

«Сегодня вечеромъ ёлка будетъ горѣть», сказалъ кто-то.

— «Ахъ,» думала ёлка «когда же настанетъ вечеръ! Когда же зажгутъ свѣчи и что-то будетъ потомъ? Можетъ быть, придутъ деревья изъ лѣсу посмотрѣть на меня. Прилетятъ ли воробьи къ окнамъ? Можетъ быть, я и всегда буду расти въ этой комнатѣ; и зиму и лѣто буду стоять въ этомъ нарядѣ.»

Да, бѣдная ёлка гадала, а между тѣмъ отъ ожидающаго у ней болѣла вся кора, а когда у дерева болить кора—это тоже, что для человѣка головная боль.

Но вотъ зажгли свѣчи. Какой блескъ, какая прелесть! Ёлка такъ начала трепетать, что одна свѣча спалила надъ собой вѣтку; запахла гарью. «Ахъ, ахъ!» вскричали дѣвушки и загасили свѣчу. И вотъ ёлка не смѣла и дрогнуть: въ такомъ была она страхѣ, такъ боялась она потерять что нубудь изъ своего наряда. Блескъ и великолѣпные совѣтмы ея ослѣпили и оглушили. Вдругъ отворилась дверь, и множество дѣтей вбѣжало въ залу и прямо на нее, точно хотѣли они ее опрокинуть. Передъ

ёлкой дѣти остановились и стояли какъ нѣмые, но это продолжалось всего одну минуту; опять начали они шумѣть и по всей залѣ раздались ихъ веселые голоса. Они начали плясать вокругъ ёлки, потомъ начали снимать съ нея подарки, одинъ за другимъ.

«Что они дѣлаютъ?» думала ёлка. «Что это такое?»

Свѣчи между тѣмъ догорѣли до самыхъ вѣтокъ, ихъ спѣшили потушить. Когда погасла послѣдняя свѣча, дѣтямъ позволили обирать ёлку и они кинулись на нее такъ, что вѣтви затрещали. Если бы не была она прикрѣплена золотою звѣздою къ потолку, то навѣрное бы упала.

Дѣти занялись новыми игрушками, и на ёлку почти не обращали вниманья; подошла только старая няня взглянуть, не осталось ли на вѣткахъ чего нибудь, яблока или винной ягоды.

«Сказку, сказку!» вдругъ закричали дѣти, и потащили къ ёлкѣ какого-то маленькаго, толстенькаго господина и посадили его подъ самую ёлку.

— «Вотъ мы и въ зелени, точно лѣтомъ», сказалъ онъ,» а ёлка очень много выиграетъ, если послушаетъ нашу сказку. Я расскажу вамъ только одну; какую ходите? рассказать ли про спящую Царевну, или про Иванушку-дурачка, кото-

рый хотя и былъ дурачокъ, а все-таки женился на царевнѣ.»

«Про спящую Царевну!» кричали одни; «про Иванушку-дурачка!» кричали другіе, и подняли крикъ и шумъ! Одна только ёлка молчала и думала: «я-то что же буду дѣлать? ужели мнѣ не дадутъ никакого дѣла? Вѣдь я все была тутъ, и я помогала.»

И началъ рассказывать маленькой господинъ про Иванушку-дурачка, который хотя и былъ дурачокъ, а все-таки попалъ въ честь, и женился на прекрасной царевнѣ. И дѣти хлопали въ ладоши и прыгали на стулья, и когда сказка кончилась, начали просить и другую, про спящую Царевну. Но толстенькій господинъ про спящую Царевну не рассказалъ.

Ёлка стояла въ нѣмомъ недоумѣннн; никогда птицы въ лѣсу не рассказывали ничего подобнаго. Иванушка былъ дурачокъ и все-таки женился на царевнѣ. «Да, да, вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ», думала ёлка, и была увѣрена, что все это правда, потому что это рассказывалъ такой почтенный человекъ. «Да, да, кто знаетъ — можетъ быть и я еще выйду замужъ за царевича.» И она радовалась завтрешнему дню, увѣренная, что ее опять украсятъ свѣчами, игрушками, золотомъ и фруктами.

«Завтра я дрожать не буду,» думала ёлка. «Завтра я хочу вполне наслаждаться. Опять будутъ рассказывать про Иванушку-дурачка, можетъ быть и другую расскажутъ, про спящую Царевну. «И всю ночь стояла она задумавшись и не шевелясь.

Поутру пришли лакей и горничная.

«Ну, вотъ опять будутъ меня наряжать!» подумала ёлка. Но вмѣсто того, они взяли ее и вынесли изъ комнаты, и потащили вверхъ по лѣстницѣ, на чердакъ, и тамъ поставили въ темный уголь, куда ни свѣтъ, ни солнце никогда не заглядывали. «Это что значить?» думала ёлка. «Что же здѣсь-то мнѣ дѣлать? Что такое я теперь услышу?» И она прислонилась къ стѣнѣ и думала, думала долго.

Много ей было времени размышлять, потому что проходили дни и ночи и никто не заглядывалъ на верхъ; когда наконецъ пришелъ кто-то, такъ только для того, чтобы поставить какіе-то сундуки въ уголь, и опять ушелъ. И стояла ёлка, спрятанная въ темномъ углу.... Можно было подумать, что всѣ ее забыли.

«Теперь зима,» думала она. «Земля промерзла; вездѣ снѣгъ... снова посадить меня въ землю нельзя: потому-то они и поставили меня сюда, въ уголь; здѣсь я, вѣрно, пробуду до весны. Какъ они это умно и хорошо придумали. Какіе люди доб-

рые. Только, если бы здѣсь, не было такъ темно и тихо!... Никого-то нѣтъ! Хотѣ бы зайчикъ побѣжалъ. Вѣдь хорошо было тамъ, въ лѣсу зимой, когда вездѣ лежалъ снѣгъ, и вдругъ откуда нибудь выбѣгалъ зайчикъ; даже когда онъ чрезъ меня прыгалъ — и то было хорошо. Только тогда я этого не любила. Здѣсь наверху ужасно скучно!

«Пикъ, пикъ!» вдругъ раздался голосокъ маленькой мышки, и она выскочила изъ своей норы, за нею другая и третья. Они побѣжали обшаривать ёлку и начали по ней лазить.

«Холодно», сказали маленькія мышки, «а то бы здѣсь было хорошо. Не правда ли, старая ёль?»

— «Я совсѣмъ не старая», отвѣчала ёлка, «есть много ёлокъ старше меня.»

«А ты откуда?» спрашивали мышки; «расскажи, что ты знаешь?»

Онѣ были ужасно любопытны.

«Ты знаешь самый лучший край на землѣ? Была ты тамъ? Была ты въ кладовой, гдѣ лежитъ на полкахъ сыръ, а къ потолку привязана ветчина, гдѣ можно плясать на салѣ, куда приходишь худенькая, а выйдешь толстененькая, — знаешь ты такой край?»

— «Такого края я не знаю», сказала ёлка; «я знаю лѣсъ, я была въ лѣсу, гдѣ солнце сіяетъ и птицы поютъ.» И начала она рассказывать

про свою юность, а маленькія мыши слушали; онѣ никогда ничего подобнаго не слышали.

«Ахъ, какъ это удивительно! сколько ты всего видѣла, какая ты счастливая!»

— «Я-то?» сказала ёлка, и задумалась надъ своимъ собственнымъ рассказомъ. И правда, вѣдь веселое было время. И она опять начала рассказывать про Рождество, про тотъ вечеръ, когда она стояла вся въ свѣчахъ и въ пряникахъ, и въ конфетахъ.

«О!» сказали маленькія мышки, «какая же ты была счастливая, старая ёлка!»

— «Совсѣмъ я не старая,» опять возразила ёлка; «меня только теперь, вотъ въ эту зиму, привезли изъ лѣсу. Я расти только не могу.»

«Какъ ты хорошо рассказываешь!» сказали маленькія мышки. И на слѣдующую ночь опять пришли и привели съ собой еще четырехъ маленькихъ мышекъ, чтобы и онѣ послушали рассказовъ ёлки. И вотъ опять начала ёлка рассказывать и чѣмъ болѣе она рассказывала, тѣмъ живѣе вспоминалось ей все бывшее, и она думала: «а вѣдь счастливое то было время! да оно можетъ опять воротиться: вѣдь вонъ, чего не было съ Иванушкой-дурачкомъ, а вѣдь женился же онъ не прекрасной царевнѣ.... И меня, можетъ быть, возьметъ какой нибудь царевичъ!» И вспомнила ёлка молодой,

густолиственный клень, которой росъ тамъ, въ лѣсу; этотъ клёнъ былъ для нея царевичъ.

«Кто такой этотъ Иванушка-дурачокъ?» спрашивали мышки, — и рассказала имъ ёлка сказку про Иванушку-дурачка. Она помнила ее всю наизусть; мышки отъ восторга такъ и прыгали. И на слѣдующую ночь пришло ихъ еще больше, а въ воскресенье пришли даже двѣ крысы, но имъ сказка не поправилась; это очень огорчило маленькихъ мышекъ, однако же и для нихъ рассказъ ёлки потерялъ прелесть. «Вы только одну эту сказку и знаете?» спрашивали крысы. — «Только одну», отвѣчала ёлка. «Я слышала её въ самый счастливый изъ всей моей жизни вечеръ; тогда только я не думала о томъ, какъ была тогда счастлива.»

«Да что это за сказка! Не знаете ли вы еще какойнибудь про сало про кладовую?» — «Нѣтъ!» отвѣчала ёлка. «Ну, такъ благодаримъ покорно!» сказали крысы, и ушли къ своимъ.

И маленькія мышки тоже перестали ходить; и часто теперь вздыхала бѣдная ёлка и все думала: «а вѣдь мило было, когда сидѣли вокругъ меня эти маленькія шаловливыя мышки.... Какъ онѣ слушали мои рассказы! Вотъ и это время прошло! но я всегда буду его вспоминать, даже и тогда, когда меня возьмутъ отсюда.»

Но когда же это случилось? А вотъ когда: въ одно утро пришли на чердакъ люди, начали передвигать сундуки, мести и чистить, и вытащили изъ угла ёлку, и бросили ее на полъ, правда, съ большою грубостью и неосторожностью; одинъ лакей подошелъ къ ней и вынесъ ее по лѣстницѣ внизъ, на вольный воздухъ.

«Вотъ, наконецъ-то!» думала ёлка. Она почувствовала свѣжій вѣтерокъ, первый лучъ солнца, — вотъ она на дворѣ! Какъ скоро все это сдѣлалось. Ёлка не помнила себя отъ радости: дворъ прилегалъ къ саду, а въ саду все цвѣло. Тамъ розы, свѣженькія, пахучія, выглядывали изъ-за рѣшетки; липы цвѣли; мотыльки летали и говорили: «квирри-квирри, вотъ, наши-то прѣхали!»

— «Опять я буду жить!» подумала ёлка, и хотѣла широко распустить свои вѣтви, но онѣ были всеѣмъ уже желты, сухія; и лежала она опять въ углу, въ крапивѣ и лебедѣ. Только звѣзда изъ золотой бумаги все еще держалась на ея верхушкѣ и блестѣла на солнцѣ. На дворѣ играло двое изъ тѣхъ дѣтей, которыя видѣли ёлку въ Рождество и такъ прыгали вокругъ нея и слушали подъ нею сказку про Иванушку-дурачка. Мальчикъ увидѣлъ звѣзду и сорвалъ ее.

«Посмотри, что еще осталось на этой старой,

гадкой ёлкѣ!» сказала опѣ, и полѣзъ на нее, и затрещали подъ нимъ сухія вѣтви.

А ёлка смотрѣла на цвѣты, на свѣжій садъ, на лучи солнца, разлитые повсюду; посмотрѣла на себя и подумала, лучше бы уже остаться на чердакѣ, въ темномъ углу; она вспомнила свою свѣжую юность въ лѣсу; счастливый вечеръ въ Рождество, и маленькихъ мышекъ, которыя такъ весело слушали ея сказку.

«Прошло, все прошло!» сказала старая ёлка. Теперь все, все прошло!»

Пришелъ дворникъ, и разрубилъ ёлку на дрова, такъ что составилаь цѣлая вязанка; потомъ снесъ ее въ кухню, положилъ подъ плиту и свѣтло разгорѣлся огонь, и тяжело вдыхали дрова, и каждый вздохъ ихъ былъ точно выстрѣлъ. Прибѣжали дѣти, сѣли къ огню, и все ждали когда опять стрѣльнетъ: пифъ - пафъ! При каждомъ такомъ звукѣ, который вѣдь былъ тяжелый вздохъ, думала ёлка о какомъ нибудь лѣшемъ днѣ въ лѣсу, или о зимней звѣздной ночи; думала о вечерѣ въ Рождество и объ Иванушкѣ-дурачкѣ, единственной сказкѣ, которую она знала, и умѣла рассказывать... наконецъ ёлка сгорѣла.

Мальчики играли въ саду. Самый маленькій изъ нихъ пришилъ себѣ золотую звѣзду, которая

была на ёлкѣ въ ея самый счастливый вечеръ;
вечеръ этотъ давно прошелъ и ёлки уже не было
на свѣтѣ: пришелъ конецъ всему, конецъ и этой
сказкѣ, какъ и другимъ сказкамъ.

ОЛЕНЬ И ВЕРБЛЮДЪ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней прошедшаго года сидѣлъ на каменной скамьѣ въ Парижскомъ ботаническомъ саду (Jardin des plantes) какой-то господинъ.

Онъ казался очень печальнымъ и сидѣлъ, опустивъ глаза въ землю; тоскливыя мысли, или грустныя воспоминанія, должно быть, кружились въ его головѣ. Лобъ у него былъ широкій, глаза впалые, скулы выдавшіяся, подбородокъ острый. По выраженію его лица и по одеждѣ можно было догадаться, что онъ иностранецъ. Два человекъ, усѣвшіеся на ту же скамью, вызвали его изъ задумчивости. Одинъ изъ нихъ былъ Арабъ, смуглый, окутанный въ бѣлый бурнусъ, а другой съ виду былъ похожъ на Француза.

Печальный господинъ, послушавъ нѣсколько минутъ разговоръ двухъ новыхъ пришельцевъ, происходившій на арабскомъ языкѣ, обратился къ

спутнику африканца и сказалъ по французски, но не совсѣмъ свободно:

— Какъ далеко забрался этотъ Арабъ отъ своего отечества! Не скучаетъ онъ по немъ?

— Да, — онъ тоскуетъ по своемъ шатрѣ, по своимъ пальмовымъ рощамъ и все думаетъ о своихъ долгихъ странствованіяхъ по пустынѣ; вспоминаетъ онъ обо всемъ этомъ въ Парижѣ, среди блеска и великолѣпія, и вздыхаетъ.

— Да, да! это понятно.

— Вотъ ему и захотѣлось придти въ ботаническій садъ, чтобы посмотрѣть на растенія и животныхъ его родины; онъ былъ счастливъ, когда увидѣлъ страуса, газель, верблюда.

— Ахъ, какъ я ему сочувствую; я также издалека, я также скучаю по своей родинѣ, какъ и онъ, и тоже пришелъ сюда за воспоминаніями. Я увидѣлъ сѣвернаго оленя и сердце мое забилося отъ радости.

— Ужъ не Лапландецъ ли вы?

— Да, я Лапландецъ; я дитя льдовъ, и вотъ судьба свела меня съ человѣкомъ жаркой страны, и обоихъ насъ привлекало сюда одно и то же чувство — тоска по родинѣ.

Арабу были переданы слова Лапландца, и между ними завязался разговоръ при помощи Француза. — Ничего не могло быть трогательнѣе выраженій гор-

дости и привязанности, съ которыми каждый изъ нихъ говорилъ объ отечествѣ.

Одинъ описывалъ сосновые лѣса Лапландіи, другой — оазисы пыстыни съ ихъ финиковыми рощами; одинъ говорилъ о снѣгахъ, другой о жгучихъ пескахъ; одинъ о хижинахъ, въ которыхъ велъ онъ мирную жизнь, другой о шатрахъ, кочующихъ по пустынѣ, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами; Лапландецъ расхваливалъ ѣзду въ саняхъ, запряженныхъ оленями, — Арабъ съ увлеченіемъ рассказывалъ о длинныхъ караванахъ верблюдовъ, тянущихся черезъ Сахарскую степь. И, когда Лапландецъ завелъ рѣчь объ оленѣ, а Арабъ о верблюдѣ, надо было видѣть, какъ они воодушевились и превозносили до небесъ качества этихъ животныхъ и выгоды отъ нихъ!

— Сѣверный олень похожъ во многомъ на обыкновеннаго, говорилъ Лапландецъ, но онъ толще его, сильнѣе и копыта, которыми онъ долженъ разрывать снѣгъ, у него гораздо шире. Шерсть его темнокоричневая, почти черная. Четырехъ лѣтъ онъ перестаетъ расти; тогда его объѣзжаютъ и приучаютъ къ работѣ.

— А мой верблюдъ, могари? воскликнулъ Арабъ; ахъ... надо его видѣть — съ маленькой и тонкой головкой, съ его черными блестящими глазами! Уши

его также красивы, какъ у газели, шея гибка, какъ у страуса. Тотчасъ послѣ его рожденія на него надѣваютъ широкій поясъ, для того чтобы онъ не толстѣлъ; бока его становятся отъ того впалы и онъ очень легокъ на бѣгу. Молодой, онъ живетъ въ нашихъ шатрахъ и играетъ съ нашими дѣтьми; когда ему исполнится два года, мы протыкаемъ ему ноздри, продѣваемъ въ нихъ желѣзное кольцо и приучаемъ его къ послушанію.

Надо знать, что могоари считается въ Африкѣ лучшимъ верблюдомъ. Онъ, въ отношеніи къ верблюду, тоже, что верховая лошадь къ воевой, потому Арабы очень заботятся о его воспитаніи.

— У насъ нѣтъ лошадей, возразилъ Лапландецъ, — и безъ оленя — кто бы сталъ таскать наши сани по снѣгамъ и по замерзшимъ озерамъ?

— Лошадь не могла бы ходить по нашимъ пустынямъ, гдѣ нѣтъ ни травы, ни воды, воскликнулъ Арабъ, — верблюдъ же путешествуетъ по нимъ, потому что воздерженъ и можетъ долго переносить голодъ и жажду. Особенно могоари, когда у него есть трава, онъ можетъ цѣлую зиму и весну провести безъ питья; — онъ пьетъ только осенью и лѣтомъ; даже когда путешествуетъ, то можетъ оставаться безъ питья пять сутокъ. Дорогою немнож-

ко кустарника и зелени совершенно для него достаточно. Богъ великъ и милостивъ: Онъ сотворилъ верблюда для жителя пустыни.

— А для ледовитыхъ странъ — сѣвернаго оленя, подхватилъ Лапландецъ. Олень находитъ для себя пищу на бесплодной, покрытой снѣгами землѣ — тамъ, гдѣ ни какое другое животное не можетъ существовать. Онъ также воздерженъ, какъ и верблюдъ. Онъ разрываетъ копытами снѣгъ и находитъ подъ нимъ бѣлый мохъ, растущій какъ бы нарочно для пищи этому товарищу сѣвернаго жителя, въ то время, когда уже никакого другаго растенія не существуетъ.

— Какъ могари кротокъ и смышленъ! воскликнулъ Арабъ, — онъ по приказанію ложится грудью на землю, для того, чтобы его навьючили; онъ безъ привязи остается цѣлый день на томъ мѣстѣ, гдѣ поставилъ его хозяинъ; по одному знаку пускается бѣжать быстрѣ страуса; если хозяинъ его свалится, онъ тотчасъ останавливается; онъ никогда не жалуется, если его ранять. Съ восхода солнца и до ночи онъ можетъ пробѣжать до 40 миль. Правда, что обыкновенный верблюдъ не имѣетъ такихъ достоинствъ, какъ могари, но онъ не менѣе полезенъ: онъ перевозитъ всѣ товары, которыми мѣняются народы, окружающіе великую степь; вер-

блюды въ песчаной степи — тоже; что корабли на морѣ. Число ихъ безконечно.

— А нашъ сѣверный олень уступитъ ли въ трудолюбіи и смышленности верблюду? Онъ перевозитъ насъ съ быстротою молніи черезъ огромныя ледяныя пространства, черезъ рѣки и озера и осторожно спускаетъ съ крутыхъ горъ. А что можетъ быть питательнѣе и пріятнѣе оленьяго молока. Посмотрѣли бы вы, когда они стадами приходятъ вечеромъ, подъ предводительствомъ собакъ, къ хижинѣ пастуха, гдѣ ихъ доятъ; издали можно принять ихъ за густое облако, потомъ уже становятся замѣтны ихъ огромные рога, похожіе на переплетшіяся вѣтви дерева, а отъ копытъ ихъ съ каждымъ шагомъ слышится трескъ, похожій на трескъ еловыхъ вѣтвей на огнѣ.

— Не бесполезно и молоко нашихъ верблюдовъ; оно питаетъ въ пустынѣ и богача, и бѣдняка, прервалъ Арабъ, — отъ него финики дѣлаются полезнѣе для здоровья человѣка.

— У Лапландца нѣтъ финиковъ; природа скупа для него на растенія; у насъ счастливъ тотъ, кто обладаетъ небольшимъ количествомъ ячменя. Во все лѣто обыкновенная пища Лапландца — оленье молоко, сырое или кипяченое; женщины дѣлаютъ изъ него сыръ, сбивая его руками; зимою заморажи-

вають молоко въ березовыхъ сосудахъ и ѣдятъ его, разрѣзывая на кусочки. Мы употребляемъ еще въ пищу мясо оленя, а на одежду — его кожу. Изъ жилъ его дѣлаемъ нитки, а изъ роговъ ручки къ ножамъ и другіе инструменты. Животное, такое полезное при жизни, — даетъ намъ выгоды и послѣ смерти.

— Великъ Богъ! воскликнулъ Арабъ, — верблюды и могоари, переносившіе при жизни наши шатры и припасы, участвовавшіе въ войнѣ и торговлѣ, составляютъ также источникъ богатства послѣ своей смерти. Мясо верблюда весьма хорошо; горбъ его — лакомое блюдо, которымъ Арабы подчуютъ друга или гостя. Верблюжьей кожей покрываютъ наши сѣдла, изъ нея дѣлаютъ обувь, которую змѣя не можетъ прокусить, и сосуды, въ которыхъ вода никогда не высыхаетъ отъ солнца, изъ шерсти его мы дѣлаемъ себѣ плащи и шатры.

— Богъ Араба — Богъ Лапландца, — онъ Богъ вселенной, возразилъ Лапландецъ; онъ даетъ каждому то, что ему нужно, и поселилъ оленя въ снѣгахъ Лапландіи, а верблюда и могоари на пескахъ пустыни.

— Онъ внушилъ также человѣку любовь къ роднѣ, и я спѣшу возвратиться въ пустыню, къ нашимъ верблюдамъ.

— А я умру въ снѣгахъ Лапландіи, подлѣ моихъ сѣверныхъ оленей.

Лапландецъ и Арабъ сдержали слово. Черезъ мѣсяцъ послѣ встрѣчи въ ботаническомъ саду они отправились каждый на свою родину, одинъ на сѣверъ, другой на югъ.

ОХОТА НА БЪГЛЫХЪ НЕГРОВЪ.

I.

Солнце исчезло за холмами и негры, навьюченные нашимъ багажемъ, вдругъ всѣ остановились для привала и сбросили съ себя тяжелую ношу. Мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ сливаются два ручья, составляющіе, въ дальнѣйшемъ теченіи, подъ общимъ именемъ Марсуины, одну изъ самыхъ большихъ и красивѣйшихъ рѣкъ острова Бурбонъ. Передъ нами возвышался, какъ громадная стѣна, рядъ тѣсно сдвинутыхъ одна къ другой вулканическихъ горъ, изъ середины которыхъ подымался къ ясному небу широкій столбъ чернаго клубящагося дыма; а за ними, между густо-обросшими холмами, сверкала поверхность ровнаго какъ зеркало моря.

— «Если вамъ угодно, господа», сказалъ докторъ, «то мы на сегодняшній день прекратимъ наше пу-

тешествіе. По моему мнѣнію, лучше остановиться здѣсь, въ долину, нежели переходить въ этотъ же вечеръ въ болѣе возвышенныя и холодныя мѣста острова; нужно только рѣшить вопросъ, гдѣ здѣсь найти лучше мѣсто для почлега.»

«Это мое дѣло,» отозвался нашъ проводникъ, «по близости должна быть пещера, которая мнѣ давно извѣстна, и, если не ошибаюсь, то вотъ и дорожка, по которой мы сейчасъ же можемъ до нея добраться.»

Сказавъ это, онъ скрылся въ высокому кустарникѣ вмѣстѣ со своею собакою. Докторъ поспѣшно снялъ съ плеча одного изъ негровъ висѣвшую на немъ коробку для собиранія растений, открылъ ее и съ наслажденіемъ принялся разсматривать находившіеся въ ней рѣдкіе экземпляры, которые ему удалось собрать на пути. Онъ только что началъ краснорѣчиво описывать замѣчательную растительность острова, какъ вдругъ раздавшійся вблизи ружейный выстрѣлъ привелъ насъ въ немалое смятеніе. Мы всѣ бросились въ ту сторону, откуда послышался выстрѣлъ, и, пробравшись чрезъ густой лѣсъ и высокій кустарникъ, очутились на краю глубокой пропасти. На другой сторонѣ стоялъ нашъ проводникъ; онъ спокойно вытиралъ ружье и протяжнымъ свистомъ звалъ къ себѣ собаку.

— «Что это, Морисъ, неужели на тебя нападали?» спросилъ его докторъ.

«Нѣтъ,» отвѣчалъ креоль. «Прежде, чѣмъ ввести васъ въ пещеру, я хотѣлъ развѣдать, не занята ли она. Собака что-то почувала и начала лаять; я зарядилъ ружье и выстрѣлилъ. Въ ту же минуту выскочилъ изъ пещеры бѣглый негръ, торопливо спустился по висящимъ у входа ліанамъ и скрылся въ ущельи. Теперь, господа, вы можете быть спокойны», продолжалъ онъ, «намъ здѣсь болѣе никто не помѣшаетъ. По моему выстрѣлу всѣ бродяги узнали, что сюда пришли бѣлые и ужъ никто не покажется.»

Входъ въ пещеру былъ совершенно закрытъ висѣвшими передъ нимъ ліанами, длинными вьющими растениями, и казался на первый взглядъ сплошною обросшею стѣною. Мы расположились въ пещерѣ на мягкомъ мху, какъ можно удобнѣе; меня беспокоила мысль, что креоль можетъ быть ранилъ или даже убилъ бѣглаго негра.... Однако Морисъ увѣрялъ, что ружье было заряжено холостымъ зарядомъ. «Я» сказалъ онъ «хотѣлъ только удалить отсюда этого бѣглеца и его товарищей. Онъ, голубчикъ, найдетъ себѣ другое мѣстечко, можетъ быть и не такое удобное, но для чернаго и то будетъ довольно хорошо.»

— «Превосходное мѣсто!» сказалъ докторъ, съ

видимымъ удовольствіемъ. «Какой счастливый случай помогъ тебѣ открыть эту пещеру?»

«Да кто же, возразилъ Морисъ, не знаетъ ея? Изъ креоловъ почти каждый самъ бывалъ въ ней во время охоты, а плантаторамъ, по крайней мѣрѣ по наслышкѣ, она хорошо извѣстна. Ее зовутъ пещерою Малгассовъ, а почему ее такъ называютъ, это извѣстно, конечно, немногимъ. Исторія очень любопытная....»

— «И ты можешь намъ рассказать эту исторію?» продолжалъ спрашивать докторъ.

Надобно замѣтить, что проводники, которые, по общеизвѣстной ихъ слабости, весьма склонны къ разговорчивости, предаются своему душевному влеченію исключительно только во время переходовъ, когда путешественники заняты своими собственными наблюденіями; но за то во время привала сохраняютъ упорное и мрачное молчаніе. Нашъ проводникъ Морисъ, по видимому, строго придерживался издавна установившагося между его собратьями обычая; намъ пришлось употребить немало убѣдительныхъ просьбъ и даже одну манильскую сигару, чтобы склонить его къ разсказу. Наконецъ онъ согласился удовлетворить наше любопытство и сообщилъ намъ слѣдующее:

«Я не былъ въ чужихъ краяхъ, и потому не знаю, такъ ли скоро все измѣняется и въ другихъ

странахъ свѣта, какъ у насъ; но могу васъ увѣрить, господа, что, съ тѣхъ поръ, какъ я живу, на нашемъ островѣ произошло много перемѣнъ. Теперь обрабатываютъ столько земли, что нашимъ рѣкамъ скоро не будетъ мѣста; а мы, креолы, для которыхъ огородъ или садъ и мансовое поле составляютъ все богатство, принуждены будемъ совершенно измѣнить нашъ привычный образъ жизни. Вѣдь въ теченіе времени цѣлые лѣса свалились подъ ударами топора, наилучшія для охоты мѣста проданы и теперь, по всей возвышенности, выстроены деревни! — Намъ, пожалуй, скоро самимъ прійдется копать землю. А вѣдь мы такіе же бѣлые, какъ и первѣйшіе плантаторы, и возиться съ лопатою дѣло негра, а не бѣлаго. Такъ ужъ искони водилось.

«Къ тому же теперь оказывается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, потому что торгъ невольниками совершенно разстроился. Недавно еще одинъ изъ цариковъ острова Мадагаскара, правда самый могущественный, вздумалъ прекратить вывозъ своихъ подданныхъ на продажу, и нашъ губернаторъ долженъ былъ обѣщать ему 40 тысячъ піастровъ ежегодно, чтобы склонить его въ нашу пользу. А прежде здѣсь и прохода не было отъ черныхъ невольниковъ; на негровъ была просто Божія благодать, и всякой породы: были Ямбаны, хотя на-

родъ неукротимый, но превосходные земледѣльцы, были Каффы, которые охотнѣ пасутъ скотъ, нежели воздѣлываютъ землю, но за то коротко знакомы съ водкою; потомъ Мозамбики, отличные гребцы, съ обезьянными рылами. Каждая порода, какъ видите, имѣетъ свои природныя способности, такъ что можно было на всякое дѣло найти хорошаго работника.

«Но лучше всѣхъ у насъ уживались Малгассы, потому что нашъ островъ очень похожъ на ихъ родину; въ нашихъ лѣсахъ они находили тѣ же деревья, какъ въ своихъ дремучихъ борахъ, а на нашихъ равнинахъ такія же стада. Поэтому собственно и не стоило большихъ трудовъ, чтобы держать ихъ въ повиновеніи; но что прикажете дѣлать, господа! негры лѣнны отъ рожденія, а уже человѣкъ, который боится работы....»

— «Скорѣе будетъ переносить всякія муки и лишенія, нежели пересиливать свою лѣнность», подхватилъ я и пристально посмотрѣлъ на креола.

— «Такъ точно», продолжалъ онъ. «Мой отецъ мнѣ это не разъ говаривалъ, когда мы бывало удили рыбу у устья рѣки. Вотъ кстати, посмотрите-ка на эту калембасу его работы; вы на всемъ островѣ не отыщете такой красивой тыквы. Отличная бутылка! Покойникъ цѣлый мѣсяцъ трудился надъ этими украшениями. Много лѣтъ про-

шло съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее въ первый разъ употребилъ въ дѣло; но я помню тотъ день такъ живо, какъ будто это было вчера; мы охотились на дикихъ козъ на морскомъ берегу. Спускаясь съ горъ, мы замѣтили вдали на морѣ какую-то неясную точку, отличавшуюся отъ синяго фона блестящею бѣлизною. Отецъ долго и пристально всматривался въ эту бѣлую точку и наконецъ, указавъ на нее, сказалъ: «это непременно Діана «опять намъ везетъ невольниковъ. Кромѣ ея къ «южному берегу острова не можетъ приставать ни «одна гоэлета; если вѣтеръ не перемѣнится, то она «сегодня вечеромъ броситъ якорь въ бухтѣ Пинто.»

«Между тѣмъ небольшое военное судно, притаившееся за выступающими въ море скалами, легко выпорхнуло изъ залива. Около двадцати минутъ оно шло прямо по направленію къ гоэлетѣ, но потомъ — потеряло ли ее изъ виду, или не захотѣло ея беспокоить — вдругъ повернуло и исчезло въ сторонѣ. А то, что намъ сперва показалось бѣлою точкою, все болѣе увеличивалось, быстро приближаясь къ берегу, и мы вскорѣ узнали «Діану», шедшую на всѣхъ парусахъ къ порту Пинто. Къ вечеру всѣ плантаторы, живо интересовавшіеся этимъ судномъ, собрались на крутомъ берегу бухты и развели на высокой скалѣ большой огонь, который долженъ былъ служить маякомъ.

«Прибытіе корабля съ невольниками составляло для всего населенія острова важное событіе, и всѣ рѣшительно спѣшили къ морскому берегу, чтобы осмотрѣть вновь привезенныхъ негровъ. До этихъ поръ мой отецъ, какъ человѣкъ небогатый, не принималъ большаго участія въ подобныхъ случаяхъ. Но тутъ, не задолго до прихода «Діаны», досталось ему небольшое наслѣдство; при появленіи судна ему вдругъ пришла мысль купить негра, чтобы научить его плотничьему ремеслу, въ которомъ онъ самъ немного мороковалъ. Покойный отецъ, какъ и всѣ мы, креолы, очень хорошо умѣлъ построить деревянный домъ и выдолбить лодку изъ бревна. Да и нельзя было не научиться этому дѣлу первымъ поселенцамъ на островѣ. Это были бѣглые солдаты изъ гарнизоновъ сосѣдняго острова Мадагаскара, которые въ первое время занимались морскимъ разбоемъ, а потомъ уже, когда это ремесло сдѣлалось опаснымъ, совершенно поселились на Иль де-Бурбопъ. Они учредили свое управленіе и когда границы ихъ владѣній совершенно опредѣлились, то начали продавать земли позднѣйшимъ переселенцамъ. Эти пришельцы, приобретающіе такимъ образомъ пространныя владѣнія, покупали негровъ, воздѣлывали землю и все болѣе обогащались, между тѣмъ какъ наши древніе роды, бывшіе нѣкогда настоящими владѣтелями все-

го острова, постепенно лишались всякаго значенія. Къ одной изъ этихъ древнихъ фамилій принадлежалъ и мой отецъ.

«Морисъ», сказалъ онъ мнѣ, когда «Діана» благополучно вошла въ бухту и стала на якорь, «мнѣ «кажется, что на этомъ кораблѣ привезли много «черныхъ. Негръ средняго роста и еще необученный, обойдется, пожалуй, не дороже осла во Франціи. Я обучу его своему ремеслу, изъ него выйдець порядочный работникъ и мы его будемъ отдавать въ заработки за два, за три шастра въ день, наконецъ онъ, пожалуй, выкупится; я тебѣ отдамъ деньги на обзаведеніе хозяйствомъ и тогда ты, мой другъ, если будешь жить съ толкомъ, можешь со временемъ сдѣлаться не хуже всякаго другаго плантатора на Иль де-Бурбонъ.»

«Я ни мало не сомнѣвался, что все это вполнѣ сбудется, и съ трепетнымъ любопытствомъ и радостію разсматривалъ гаэлету, которая стояла въ бухтѣ, освѣщенная яркими фонарями и окруженная со всѣхъ сторонъ тѣспившимися лодками. Изъ небольшого судна, которое, легко колышась на поверхности моря, подпрыгивало послѣ каждаго удара медленныхъ морскихъ волнъ, и которое самый легкій вѣтерекъ свободно покачивалъ во всѣ стороны, выходила такъ много негровъ, что мнѣ трудно было понять, какимъ образомъ они могли всѣ

въ немъ помѣститься. Потомъ уже я узналъ, что ихъ всегда *кладутъ* въ два ряда, одинъ на другой. Они всѣ казались болѣе или менѣе больными, и не мудрено: во все время переѣзда они лежали подъ палубою въ сыромъ и удушливомъ воздухѣ трюма. Однако, пробывъ нѣсколько времени на открытомъ берегу, они стали немного поправляться, но для нѣкоторыхъ не было больше надежды: они должны были умереть. Шкиперъ между тѣмъ суетился, подбѣгая то къ намъ, то къ нимъ, клялся всѣми святыми и увѣрялъ насъ, что негры умираютъ на злость ему и покупателямъ; и надобно вамъ сказать, господа, что они дѣйствительно иногда на то способны. Наконецъ весь грузъ былъ раскупленъ; внутренность корабля совершенно очистили, необходимые припасы, для дальнѣйшаго пути, поспѣшно были перевезены на судно и на утро не было уже никакихъ слѣдовъ ночной высадки. На разсвѣтѣ крейсерное судно, которое должно было наблюдать за этою частью берега, опять пустилось въ море, но «Діана» между тѣмъ отплыла далеко и уже снова блестя бѣлою точкою на томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее замѣтили наканунѣ, и вѣроятно возвратилась благополучно къ берегамъ Африки.

«Казалось, что оставленные у насъ негры должны были бы благодарить судьбу за то, что ихъ

перевезли на нашъ прекрасный островъ. Они были большею частію военноплѣнные и если бы остались въ Африкѣ, то были бы съѣдены непріятелями. Тѣ, которыхъ привезли съ Мадагаскара, тоже избавились отъ незавидной участи: на Мадагаскарѣ всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ побѣдители не могутъ продать въ неволю, привязываютъ къ деревьямъ и они, при торжествахъ, служатъ цѣлю для метанья копій и выпускаютъ духъ, пронизанные остреями. Не лучше ли же имъ мирно и безопасно заниматься разведеніемъ кофейнаго тростника? Однако въ этомъ ихъ трудно было убѣдить. Нѣкоторые, желая спастись отъ рабства, только что ступили на твердую землю, побѣжали прямо въ горы и спустя уже нѣсколько дней найдены были кто — въ лѣсу, едва живой отъ голода, кто въ горныхъ ущеліяхъ. Другіе сидѣли подъ деревьями, пристально глядѣли на море и, несмотря на угрозы и удары, не принимали никакой пищи, и отъ того все болѣе и болѣе слабѣли, съ ними дѣлались судороги и наконецъ они умирали отъ тоски по родинѣ, гдѣ имъ угрожала неминуемая и жестокая смерть. Вы легко можете себѣ представить, что намъ грустно было видѣть, какъ многіе сильные мужчины и женщины умирали передъ нашими глазами, одинъ за другимъ, не принеся своимъ вла-

дѣльцамъ, заплатившимъ за нихъ большія деньги, ни малѣйшей пользы.

«Мы купили одного Малгасса, который, казалось, не былъ зараженъ этою глупою болѣзнію. Онъ былъ проворный и трудолюбивый малый и очень ловко владѣлъ топоромъ. Мы съ нимъ обходились ласково, потому что съ Малгассами строгость рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Онъ выдалбливалъ толстыя бревна для лодокъ, которыя мы съ выгодною продавали въ Сень-Піеръ. Я съ удовольствіемъ присматривался къ его работѣ, и иногда ему помогалъ. Малгассъ мнѣ полюбился, но покойный отецъ ему не довѣрялъ и разъ сказалъ мнѣ: «Ужь твой Малгассъ непременно надѣлаетъ бѣды, онъ слишкомъ смахиваетъ на Квинолу.» А на нашемъ островѣ былъ когда-то невольникъ съ острова Мадагаскара, по имени Квинола, который давно уже пропалъ безъ вѣсти. Одни полагали, что онъ умеръ въ горахъ, другіе утверждали, что онъ живъ и предводительствуетъ шайками бѣглыхъ негровъ, которыя въ то время шатались по густымъ лѣсамъ и размножались, несмотря на то, что за ними часто охотились.»

II.

«Въ тѣ времена, господа,» продолжалъ Морисъ, «мы не могли бы такъ безопасно собирать растенія

въ лѣсу, какъ сегодня. Бѣглые негры занимали тогда возвышенную внутренность острова, окруженную ущеліями и отвѣсными скалами, какъ крѣпостными рвами и валами. Ихъ притоны были почти неприступны; къ подошвѣ этой возвышенности можно было подойти не иначе, какъ подымаясь вверхъ по теченію рѣкъ; но во время дождей и это было совершенно невозможно; да во всякомъ случаѣ, нельзя было вооруженнымъ людямъ взбираться по крутымъ и неровнымъ скаламъ на самую вершину возвышенности. Намъ приблизительно было извѣстно, гдѣ эти дикари укрывались, потому что во время холодныхъ ночей ясно видны были на горахъ огни, которые они разводили, чтобы согрѣться отъ сильной стужи. По временамъ, когда у нихъ не доставало съѣстныхъ припасовъ, они, съ наступленіемъ темноты, внезапно спускались въ долины, грабили сады и въ нѣсколько часовъ сжигали и истребляли урожай цѣлаго года. Мы, конечно, вооружались и поспѣшно собирались вмѣстѣ для защиты своего добра, но развѣ можно было сражаться съ такими непріятелями? Эти разбойники намазывали тѣло кокосовымъ масломъ и выскользали изъ нашихъ рукъ, какъ выюны; въ ночной темнотѣ они разсѣвались во всѣ стороны и, быстро удаляясь съ добычею, успѣвали скрыться въ горы ранѣе, нежели мы могли ихъ догнать.

Иногда они прокрадывались даже въ жилища и плантаторы, послѣ такихъ нашествій, находили свои дома совершенно пустыми. Для нѣкоторыхъ негровъ такое безпріютное бродяжничество какъ бы потребность; и чего-чего ужъ съ ними не дѣлають? Если поймають бѣглецовъ, то держать ихъ на цѣпи, бьютъ безъ пощады, сколько силы позволяютъ, и только что наказаніе кончилось, они снова убѣгають; какъ будто ихъ призваніе единственно въ томъ только и состоитъ, чтобы попеременно быть въ бѣгахъ или подвергаться за это истязанію.»

— «И вы, несмотря на это, не перестаете наказывать бѣглыхъ негровъ съ такою возмутительною жестокостію?» спросилъ я креола.

«Снисходительные владѣльцы,» отвѣтилъ онъ, «не наказываютъ сами своихъ невольниковъ, но отсылають ихъ въ гавань, гдѣ съ ними, конечно, обходятся не слишкомъ деликатно. Да вы это, кажется, сами изволили видѣть, когда....»

— «Пожалуйста, мой другъ,» прервалъ его докторъ, «не напоминай мнѣ это ужасное зрѣлище.... Однако, если вы будете употреблять во зло позволеніе имѣть невольниковъ, то невольничество во Французскихъ колоніяхъ прекратится, какъ оно, слава Богу, прекращено уже въ Англійскихъ владѣніяхъ.»

«За это спасибо!» возразилъ Морисъ. «Да ка-
кая же послѣ этого будетъ выгода быть бѣлымъ?
Если бы такое несчастье когда нибудь случилось,
то я первый, клянусь вамъ, пойду въ негры, бро-
шу деревню и не стану служить въ милиціи. По-
вѣрьте, кто не слишкомъ привязанъ къ многочис-
ленному обществу, тотъ можетъ въ этихъ горахъ
найти роскошную, привольную жизнь. Вѣдь у насъ
есть бѣглые негры, которые болѣе двадцати лѣтъ
жили въ горахъ: когда прочіе жители острова,
оставшіеся въ долинахъ, смотря по ходу войны,
подчинялись то Англичанамъ, то Французамъ, бѣ-
глецы оставались все тѣми же Кафрами и Мал-
гассаами. Въ это время ихъ даже никто и не ду-
малъ тревожить и они съ своихъ высокихъ скалъ
равнодушно смотрѣли, какъ ихъ бывшіе владѣль-
цы сражались на морскомъ берегу. Бѣглые не-
гры сначала расположились почти въ серединѣ ос-
трова и это мѣсто донинѣ называется Генриховымъ
становищемъ. Это была ихъ крѣпость; но тутъ рос-
ло очень мало растеній, плоды которыхъ употреб-
ляютъ въ пищу, и потому бѣглецы занимали по
временамъ и другія, менѣе возвышенныя мѣста.
Изъ ихъ убѣжищъ наиболѣе приступное было то,
которое находилось по ту сторону большаго озера,
подлѣ Пальмовой равнины. Несмотря на то, что
оно было наименѣе безопасно, негры предпочита-

4*

ли его, потому что отсюда легко было пробраться къ лежащимъ близъ горъ богатымъ селеніямъ и плантаціямъ, а кругомъ росли въ изобиліи пальмы, бананы и другія питательныя растенія.

«Однажды распространился слухъ, что въ этомъ-то мѣстѣ снова показались бѣглые негры. Креолы сосѣднихъ деревень условились сдѣлать на нихъ дружное нападеніе, а между тѣмъ къ нимъ подошли лазутчика, чтобы увѣрить ихъ, что опасности нѣтъ никакой. Все было устроено прекрасно и положено двинуться съ двухъ сторонъ, чтобы въ назначенный день соединиться въ извѣстномъ мѣстѣ. Подобныя экспедиціи всегда бывали трудны и даже опасны, но насъ это не останавливало. Горы точно также заманиваютъ человѣка, какъ и море: хочется знать, какъ тамъ наверху, точно также, какъ хочется видѣть, что дѣлается далеко за моремъ. Къ тому же, наши предки были удалцы, находившіе неизъяснимое удовольствіе лазить по высокимъ горамъ и крутымъ скаламъ, спускаться въ глубокія ущелія и развѣдывать островъ по всѣмъ направленіямъ, чтобы отыскать гдѣ нибудь хотя клочекъ свободной земли. Этотъ безпокойный духъ наслѣдовали и мы. Нашъ отрядъ находился подъ предводительствомъ старыхъ креоловъ, торговавшихъ нѣкогда неграми на островѣ Мадагаскарѣ и поселившихся, послѣ продолжительной, буйной и

безпокойной жизни, на нашемъ островѣ. Изъ земли Малгассовъ они, правда, не привезли съ собою никакихъ сокровищъ, но за то приобрѣли неистощимый запасъ самыхъ чудныхъ и необыкновенныхъ разсказовъ, которые во время привала составляли наше наслажденіе.

«Въ подобные походы мы всегда отправлялись безъ обуви; вообще мы только тогда надѣваемъ башмаки, когда по воскресеніямъ отправляемся въ деревни, и только для того и обуваемся, чтобы насъ не принимали за несвободныхъ мулатовъ. Такъ и на этотъ разъ, босикомъ, съ калемасою на боку, на плечѣ ружье, отправились мы весело въ лѣсъ. У каждаго торчала трубка, заткнутая за ленту, которою обвязываются наши широкополыя шляпы, а въ карманѣ были огнива, трутъ и сѣстное; у нѣкоторыхъ были небольшіе топоры, чтобы рубать встрѣчающіяся на пути густосросшіяся ліаны, или для того, чтобъ наскоро построить нѣчто въ родѣ моста черезъ ущелія, преграждающія дорогу. Я участвовалъ въ этой экспедиціи въ Пальмовую равнину въ качествѣ волонтера. Мнѣ минуло тогда едва семнадцать лѣтъ, но мнѣ показалось, что преслѣдовать негровъ нисколько не труднѣе, чѣмъ доставать на высокихъ скалахъ гнѣзда морскихъ птицъ — самое обыкновенное занятіе нашихъ мальчиковъ; каждый изъ насъ сто разъ под-

вергалъ свою жизнь опасности при поискахъ. Наконецъ мы достигли лѣса у подошвы большой дымящейся горы, которую вы видѣли на южномъ концѣ острова. Если внимательно осмотрѣть нашъ островъ, то кажется, будто огонь прошелъ подъ поверхностію его отъ одного конца до другаго, и остановился на этомъ мѣстѣ, потому что все пространство, которое занимаетъ этотъ большой лѣсъ, залито лавою, такъ что вы идете какъ по стеклу. А между тѣмъ надъ вами плотно сдвинувшіяся вершины великолѣпныхъ деревьевъ образуютъ цѣлые своды; деревья эти вырастаютъ на застывшей лавѣ, и роскошно распускаютъ надъ нею свои многочисленныя вѣтви и темныя, сочныя листья. Когда солнечныя лучи проникаютъ чрезъ эти зеленые своды, то вы, оставаясь въ густой тѣни, чувствуете, что накаленный песокъ жжетъ вамъ подошвы. Трава хруститъ подъ ногами и превращается въ пыль, а морской вѣтеръ ходитъ въ вершинахъ деревьевъ и шумитъ, какъ будто издѣваясь надъ истомленнымъ путешественникомъ.»

Креоль, рассказывая объ этихъ жаркихъ дняхъ, въ то же время прикладывался къ своей калемасѣ; рассказы возбуждали въ немъ такую страшную жажду, что его запасъ скоро истощился и мы наполнили его калемасу бутылкою стараго французскаго вина.

«Покорнѣйше васъ благодарю, господа!» произнесъ онъ, сдѣлавъ порядочный глотокъ и проведя по губамъ жесткою своею рукою; «этого-то напитка намъ только и не доставало во время похода!»

«Послѣ цѣлаго дня ходьбы, мы остановились въ одномъ горномъ ущелии и расположились въ тѣни большихъ деревьевъ, которыя полуобнаженными корнями своими едва держались на краю крутаго обрыва и какъ будто ожидали порыва вѣтра, чтобы окончательно свалиться въ пропасть. Намъ отъ этого мѣста оставалось еще нѣсколько часовъ пути, чтобы подняться на возвышенность, которую занимали черные; но тутъ возникъ вопросъ, не оставили ли они этого пристанища и не перебрались ли подальше, въ другое? Надобно было объ этомъ провѣдать. Одинъ молодой человѣкъ вызвался полѣзть впередъ и если наверху все будетъ благополучно, то бросить внизъ камень и тѣмъ подать знакъ, что мы можемъ за нимъ слѣдовать. Въ то же время начались разные толки. «Если Квинола съ ними,» говорили одни, «то мы хотя и найдемъ притонъ, но разбойниковъ не найдемъ: они скроются.» — «Помилуйте,» возражали другіе, «если бы Квинола былъ еще живъ, то его навѣрное замѣтили бы въ шайкѣ.» Надобно вамъ сказать, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пойман-

ные нами бѣглые негры всѣ единогласно утверждали, что онъ живетъ въ горахъ, но можетъ, посредствомъ колдовства, въ которомъ очень силенъ, дѣлаться невидимкою. Они поэтому и называли его великимъ жрецомъ. Какъ бы то ни было, достоверно было только то, что въ городахъ всякій осмѣивалъ того, кто говорилъ, что Квинола живъ, между тѣмъ какъ въ селеніяхъ на это дѣло смотрѣли немного серьезнѣе и имя этого опаснаго человѣка до того сохранилось въ памяти поселенцевъ, что имъ страшали дѣтей. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось очень вѣроятнымъ, что онъ все еще продолжаетъ скрываться въ лѣсу, но по хитрости и осторожности своей не указываетъ своимъ товарищамъ, гдѣ именно его берлога; и нужно признаться, что тогда я не могъ освободиться отъ какого-то таинственнаго страха, внушаемаго даже однимъ именемъ этого опаснаго человѣка, т. е. я хотѣлъ сказать негра. Однажды, еще мальчикомъ, пошелъ я за цвѣтами въ лѣсъ и отошелъ довольно далеко отъ дома; когда я, наклонясь къ землѣ, осматривалъ цвѣтки, чтобы выбрать самые красивые, за мною вдругъ показался Малгассъ съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами. Вы можете себѣ представить, какъ я перепугался, и хотѣлъ было бѣжать. Но онъ всталъ предо мною и сказалъ: «Морисъ, у васъ живетъ хорошій чер-

ный, — дѣльный работникъ; когда онъ научится
вашему ремеслу, то я ему покажу дерево, которое
онъ не напрасно выдолбитъ.» Сказавъ это, онъ
мгновенно исчезъ въ кустарникѣ.

(Изъ Дилица.)

(Окончаніе въ слѣд. №).

ОБОЖАТЕЛИ ОГНЯ.

(Отрывокъ изъ путешествія Иды Пфейфферъ).

Изъ всѣхъ племенъ, поселившихся въ Бомбаѣ, самое богатое составляютъ обожатели огня, которые называются также Гебрами и Парсами; изгнанные изъ Персїи почти 1,200 лѣтъ тому назадъ, они поселились вдоль западнаго берега Индїи. Такъ какъ они чрезвычайно трудолюбивы и дѣятельны, весьма свѣдуши и благотворительны, то между ними не видно ни бѣдняковъ, ни нищихъ, но всѣ они, по видимому, живутъ, не нуждаясь ни въ чемъ. Красивые дома, занимаемые Европейцами, большею частію принадлежатъ Парсамъ; они же владѣютъ самыми огромными имѣніями, содержатъ многочисленную прислугу, и на прогулкахъ разъѣзжаютъ въ отличныхъ экипажахъ.

Я намѣрена рассказать объ обожателяхъ огня все, что узнала объ нихъ или по собственному наблюденію, или изъ рассказовъ Манукже-Курсетже, од-

ного изъ образованнѣйшихъ и знатнѣйшихъ между ними.

Обожатели огня вѣрятъ въ единое верховное существо; они почитаютъ четыре стихіи, но наиболѣе солнце и огонь, представляя ихъ себѣ изліяніемъ верховнаго существа; они стараются каждое утро встрѣтить восходъ солнца, и часто выходятъ изъ домовъ, и даже за городъ, чтобы молитвами привѣтствовать восходящее свѣтило; кромѣ стихій они считаютъ также священными существами — коровъ.

Скоро послѣ моего пріѣзда, однажды утромъ, я отправилась прогуляться по равнинѣ, съ цѣлью увидѣть тамъ Парсовъ (ихъ считается на цѣломъ островѣ Бомбаѣ всего 6,000), которые собираются въ ожиданіи первыхъ лучей солнца, и съ появленіемъ его, какъ бы по данному знаку, повергаются на землю, и произносятъ радостныя восклицанія.

Я увидала очень много Парсовъ, но они не составляли одной группы; тамъ и сямъ нѣкоторые стояли уединенно, устремивъ глаза въ книгу, или тихимъ голосомъ произнося какую нибудь молитву; они не сошлись всѣ въ одно время, многіе прибыли почти въ девять часовъ.

Что касается до погребальныхъ обрядовъ Парсовъ, то мнѣ рассказывали, будто тѣла умершихъ отдаются на съѣденіе хищнымъ птицамъ; я не вѣ-

рила, чтобы Англійское правительство могло допустить такой варварскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ вредный для общественнаго здравія обычай, потому, познакомившись съ Манукже, первый вопросъ, который я ему предложила, былъ о томъ, какъ Парсы хоронять умершихъ. Онъ меня привелъ на холмъ, за городомъ, и показалъ стѣну вышиною въ 8 метровъ (1 метръ = $1\frac{1}{4}$ арш.), которая окружала пространство почти въ 20 метровъ. Въ этой оградѣ, сказалъ онъ, поставленъ большой гробъ, раздѣленный на три отдѣленія, а въ сторонѣ вырытъ пространный ровъ; тѣла умершихъ кладутся въ гробъ, мужчинъ въ первое отдѣленіе, женщинъ во второе и дѣтей въ третье; прикрѣпленные къ гробу желѣзными обручами, они, по уставамъ религіознымъ, остаются подъ вліяніемъ воздуха. Хищныя птицы, сбѣгающіяся въ этихъ мѣстахъ огромными стаями, съ жадностію кидаются на тѣла и пожираютъ въ короткое время мясо и кожу; кости собираютъ и кидаютъ въ ровъ; когда онъ наполняется, то оставляютъ это мѣсто погребенія и устриваютъ новое. Нѣкоторые богатые Парсы имѣютъ отдѣльныя мѣста для погребенія; надъ ними дѣлаютъ рѣшетки изъ проволоки, чтобы хищныя птицы не растерзали тѣла усопшихъ.

Никто кромѣ жрецовъ, которые относятъ въ эти мѣста погребеній тѣла умершихъ, не можетъ туда

попасть; даже входъ поспѣшно запирается, потому что только взглянуть туда есть уже преступленіе. Жрецы, или скорѣе носильщики, считаются столь нечистыми, что, отдѣленные отъ остальнаго общества, они составляютъ особенную касту; если кто нибудь, проходя мимо, прикоснется къ такому чело-вѣку, то долженъ тотчасъ уничтожить свое платье, и идти выкупаться.

Парсы не пускаютъ иностранцевъ въ свои храмы; не раздѣляя ихъ вѣрованій, нельзя посѣтить мѣсто ихъ богослуженія, и даже обозрѣть ихъ снару-жи. Храмы, которые я видѣла только съ виѣшней стороны, очень малы, просты, и не привле-каютъ вниманія своей особенной постройкой; круг-лая галерея окружена сѣнями, обнесенными стѣ-ною; можно подойти только къ проходу, который ведетъ отъ стѣны къ сѣнямъ; самый красивый храмъ въ Бомбаѣ весьма не замѣчательнъ.

По увѣренію Манукже, священный огонь горитъ въ чемъ-то въ родѣ желѣзной вазы, въ храмѣ или зданіи совершенно пустомъ и не имѣющемъ ни-какихъ украшеній. Парсы увѣряютъ, что огонь, который горитъ въ главномъ храмѣ, и отъ кото-раго, какъ они утверждаютъ, зажжены всѣ прочіе огни, ведетъ начало отъ того, который зажегъ въ Персіи пророкъ Зороастръ уже четыре тысячи лѣтъ назадъ. Когда они были изгнаны изъ Персіи, то

унесли съ собою этомъ священный огонь; его поддерживаютъ не только простыми дровами, но прибавляютъ къ нимъ драгоценныя деревья, какъ на примѣръ сандалное, розовое и другія.

Жрецы у Парсовъ называются магами; при каждомъ храмѣ ихъ по нѣсколько человекъ; въ одѣяніи они отличаются отъ другихъ Парсовъ только бѣлою чалмою; имъ позволено вступать въ бракъ. Женщины обыкновенно посѣщаютъ храмы не въ одно время съ мужчинами, хотя это и не запрещено имъ, и вообще женщины бываютъ въ храмахъ весьма рѣдко.

Набожный Парсъ долженъ каждый день молиться четыре раза, и всякій разъ въ продолженіи часа, но для этого ему нѣтъ надобности ходить въ храмъ: онъ смотритъ на огонь, землю или воду, или даже просто на воздухъ; тотъ, кому четыре часа каждодневной молитвы покажутся слишкомъ длинными, обращается къ жрецамъ, и они заблаговременно приношенія охотно разрѣшаютъ отъ этихъ тяжкихъ обязанностей слабымъ и больнымъ.

Парсы любятъ совершать свои молитвы утромъ въ виду солнца, которое они наиболѣе обожаютъ, какъ величайшій и самый священный огонь. Обожаніе огня доходитъ у нихъ до того, что они не занимаются ремеслами, при которыхъ необходимо

дѣйствіе огня, не употребляютъ огнестрѣльнаго оружія, и не гасятъ огня; что касается до огня въ кухнѣ, то они даютъ ему самому погаснуть. Многіе изъ путешественниковъ рассказываютъ даже, что они не тушатъ пожаровъ, но это несправедливо: меня увѣрили, что во время большаго пожара, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ случился въ Бомбаѣ, видѣли, какъ многіе Парсы старались гасить пламя.

Манукже былъ такъ добръ, что пригласилъ меня къ себѣ, чтобы дать мнѣ случай познакомиться съ семейною жизнью Парсовъ, и ввелъ меня даже въ дома нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей.

Я нашла, что комнаты въ домахъ Парсовъ имѣютъ расположеніе такое же, какъ дома въ Европѣ; въ нихъ были стулья, столы, диваны, постели, картины и зеркала. Костюмъ женщинъ мало отличался отъ костюма богатыхъ женщинъ Индій; онъ былъ только благопристойнѣе, потому что состоялъ не изъ прозрачной кисеи, а изъ шелковой матеріи; шелковыя матеріи эти богато вышиты золотомъ — роскошь, которая замѣтна даже на трехлѣтнихъ дѣтяхъ; дѣтей моложе этихъ лѣтъ и новорожденныхъ завертываютъ въ простыя шелковыя ткани; на всѣхъ надѣты маленькія шапочки, вышитыя золотомъ и серебромъ. Женщины у Парсовъ, какъ и у Индусовъ, не могутъ обойтись

безъ золотыхъ украшеній, жемчуга и драгоценныхъ камней, и носятъ ихъ во множествѣ даже у себя дома; но во время визитовъ, церемоній и торжественныхъ случаевъ нарядъ богатой дамы стоитъ часто дороже ста тысячъ рупій; (1 рупія = 50 к. с.); дѣти, имѣющія семь и восемь мѣсяцевъ отъ роду, носятъ уже кольца и браслеты съ настоящими камнями или жемчугомъ.

Костюмъ мужчинъ состоитъ изъ широкихъ панталонъ, рубашки и длиннаго кафтана; рубашки и панталоны дѣлаются часто изъ бѣлой шелковой матеріи, а кафтаны изъ бѣлаго перкаля; чалма отличается отъ чалмы Магометанъ: это шапка изъ хлопчато-бумажной матеріи, вышиною отъ 25 до 30 сантиметровъ, (1 Центиметръ = $\frac{1}{5}$ вершка), покрытая цвѣтною матеріей или клеенкой.

Мужчины и женщины опоясываются сверху рубашки веревкою, обвертывая ее два раза; они отвязываютъ ее во время молитвы, и держатъ тогда въ рукѣ; въ другое время веревка эта должна быть всегда на поясѣ. Законъ въ этомъ случаѣ столь строгъ, что тотъ, кто ее не носитъ, исключается изъ общины; ни одинъ договоръ, никакое дѣло не имѣютъ силы, если въ нихъ не принимаетъ участія веревка; ею опоясываютъ дѣтей, достигшихъ девятилѣтняго возраста; до этого времени они не принадлежать еще къ общинѣ и могутъ ѣсть блю-

да, приготовленные Христианами, дѣвочки могутъ вмѣстѣ со своими отцами показываться въ публикѣ; но опоясавшись веревкою, они измѣняютъ свои обычаи. Сынъ обѣдаетъ за столомъ своего отца; дочери не выходятъ изъ дому и т. п.

Другой священный предметъ составляетъ рубашка; она должна быть извѣстной длины и ширины, имѣть девять швовъ, и особеннымъ образомъ расположена на груди.

Парсъ можетъ имѣть только одну жену, но если въ продолженіи девяти лѣтъ у него не будетъ отъ нея дѣтей, или родятся, но только дѣвочки, то онъ можетъ, по согласію со своею женою, развестись съ нею, и вступить въ новый бракъ; но тогда онъ обязанъ заботиться о первой своей женѣ, которая имѣетъ право вторично вступить въ бракъ. Парсъ по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ можетъ надѣяться на истинное блаженство въ будущей жизни только въ томъ случаѣ, если онъ имѣлъ въ этомъ мірѣ одну жену и одного сына.

Парсы не раздѣляются на касты.

Съ теченіемъ времени Парсы усвоили себѣ многіе изъ обычаевъ Индусовъ: потому-то женщины не могутъ показываться въ публикѣ; онѣ живутъ дома отдѣльно отъ мужчинъ, имѣютъ особый столъ, и вообще на нихъ смотрятъ и обращаются съ ни-

ми не какъ съ разумнымъ существомъ, а какъ съ вещию; дочери обручаются еще въ дѣтствѣ, и четырнадцать лѣтъ вступаютъ въ бракъ; но если женихъ умираетъ, то родители могутъ искать новаго зятя; у Парсовъ считается безчестіемъ для отца, если онъ не найдетъ мужей своимъ дочерямъ.

Дома у себя женщины Парсовъ пользуются гораздо большею свободою, чѣмъ бѣдныя женщины Индусовъ. Онѣ могутъ безъ покрывала сидѣть у оконъ, которыя обращены на улицу, могутъ даже съ непокрытымъ лицомъ присутствовать во время визитовъ, которые дѣлаютъ мужчины ихъ мужьямъ; однако это случается рѣдко.

Парсовъ легко отличить по ихъ физіономіи отъ всѣхъ прочихъ Азіятцевъ, въ особенности по цвѣту кожи, который всегда бѣлѣе; черты ихъ лица довольно правильны; однако немного грубы, и челюсти довольно широки; по моему, они не такъ красивы, какъ Магометане и Индусы.

Манукъе составляетъ исключеніе между своими соотечественниками; онъ безъ сомнѣнія первый, который посѣтилъ Парижъ, Лондонъ и большую часть Италіи. Нравы и обычаи Европейскіе такъ ему понравились, что, по возвращеніи своемъ изъ путешествія, онъ пытался ввести нѣкоторыя пре-

образованія между своими единовѣрцами, но это поставило его въ затруднительное положеніе.

У себя дома онъ допустилъ въ семействѣ болѣе свободное обращеніе, но не могъ однако вполнѣ освободиться отъ власти привычки: иначе ему пришлось бы разсориться совершенно со своею сектою.

Онъ далъ своимъ дочерямъ Европейское образованіе; старшая изъ нихъ играетъ немного на фортепіано, шьетъ и вышиваетъ; она довольно мило написала мнѣ по-англійски нѣсколько строкъ въ альбомѣ. Отецъ до сихъ поръ не общалъ ее еще никому въ супружество; онъ желаетъ, чтобы она сдѣлала выборъ по своему вкусу.

Когда я сдѣлала первый визитъ Манукже, то мать и дочери сидѣли въ пріемной залѣ и занимались рукодѣльемъ. Я присутствовала за ихъ обѣдомъ, честь, которой строгій Парсъ не оказалъ бы мнѣ; однако же мнѣ не позволили сѣсть съ ними за одинъ столъ; для меня поставили приборъ отдѣльно, и я обѣдала одна; мнѣ подали нѣсколько кушаньевъ, приготовленныхъ почти по-европейски. Всѣ, за исключеніемъ хозяина дома, смотрѣли на меня, какъ я ѣла съ помощію ножа и вилки; даже слуги были привлечены этимъ необычайнымъ для нихъ зрѣлищемъ. Когда я утолила аппетитъ въ присутствіи

зрителей, тогда вымыли столъ и все кругомъ, какъ будто я была заражена чумою; потомъ принесли плоскіе хлѣбы, которые положили вмѣсто тарелокъ на столъ, непокрытый скатертію, и шесть или семь небольшихъ блюдъ съ тѣмъ же самымъ кушаньемъ, какое подавали мнѣ. Всѣ члены семейства Манукъ же вымыли себѣ руки и лицо, и отецъ прочиталъ краткую молитву; потомъ всѣ, кромѣ ребенка, которому было не болѣе шести лѣтъ, сѣли за столъ, и правою рукою стали брать кушанье съ разныхъ блюдъ. Они снимали мясо съ костей цыплятъ и баранины, кусками отдѣляли рыбу отъ костей, потомъ обмакивали ихъ въ разные соусы, и такъ искусно клали ихъ въ ротъ, что не касались его рукою; кому случалось это сдѣлать нечаянно, тотъ долженъ былъ тотчасъ встать и вымыть себѣ снова руку, или долженъ былъ поставить предъ собою блюдо, изъ котораго онъ могъ брать рукою, не вымывъ ея, но не смѣлъ прикасаться болѣе къ другимъ кушаньямъ; во время всего обѣда лѣвая рука остается совершенно безъ дѣла.

Этотъ способъ кушать, по видимому, кажется мало возбуждаетъ аппетитъ, но въ самомъ дѣлѣ въ немъ нѣтъ ничего противнаго; руки вымыты и не прикасаются ни къ чему кромѣ кушаньевъ. Парсы, чтобы напиться, не подносятъ сосуда къ гу-

бамъ, а весьма искусно льютъ напитокъ въ широко раскрытый ротъ; пока дѣти не приобрѣтутъ этой ловкости въ ѣдѣ и питьѣ, имъ не позволяется сидѣть за обѣдомъ со взрослыми, хотя бы они и носили уже священную веревку.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

Х. Кадмъ.

Кадмъ былъ сынъ финикійскаго царя Агенора. Зевесъ, превратившись въ вола, увезъ его сестру Европу. Тогда Агеноръ отправилъ Кадма съ братьями отыскивать ее и безъ нея не позволилъ имъ возвращаться на родину. Долго скитался Кадмъ по свѣту и все безъ успѣха; наконецъ онъ потерялъ надежду отыскать сестру, и, боясь гнѣва отцовскаго, рѣшился поселиться въ чужой землѣ. Онъ обратился за совѣтомъ къ оракулу Феба Аполлона. Аполлонъ далъ ему отвѣтъ: «На уединенномъ лугу найдешь ты вола, который еще не носилъ ярма. Слѣдуй за нимъ, и тамъ, гдѣ онъ ляжетъ на траву, выстрой стѣны и назови городъ Фивами.»

Выйдя изъ Кастальской пещеры, въ которой находилось прорицалище, Кадмъ увидѣлъ на зеленомъ лугу вола, на шеѣ котораго онъ не замѣтилъ никакихъ слѣдовъ ярма; молча возблагодарилъ онъ Феба и медленно послѣдовалъ за животнымъ. Уже

они перешли въ бродъ Кефиссъ и прошли еще довольно большое пространство, какъ волъ остановился, поднявъ голову вверхъ и наполнилъ воздухъ мычаніемъ; потомъ онъ оглянулся на слѣдовавшихъ за нимъ мужей и опустился на мягкую траву.

Исполненный благодарности, Кадмъ припалъ къ чуждой землѣ и поцѣловалъ ее. Потомъ онъ приступилъ къ жертвоприношенію и приказалъ слугамъ принести ключевой воды для возліянія. Неподалеку находился старый лѣсъ, котораго еще ни разу не касался топоръ. Въ срединѣ его, въ ущельи, богатомъ родниками, свалившіеся сверху камни, заросшіе кустарникомъ, образовали низкую пещеру. Въ ней скрывался страшный драконъ. Его алый гребень сверкалъ издали, изъ глазъ сыпались искры, тѣло налилось отъ яду; пасть была вооружена тремя языками и тройнымъ рядомъ зубовъ. Когда Финикіяне вошли въ лѣсъ и погрузили въ воду сосуды, голубой драконъ услышалъ плескъ воды, внезапно поднялъ свою голову высоко надъ пещерою и страшно зашипѣлъ. Пораженные ужасомъ, служители выпустили изъ рукъ сосуды и кровь застыла въ ихъ жилахъ. Тогда драконъ свилъ клубомъ свое чешуйчатое туловище, поднялся до половины и кинулся на Финикіянь. Однихъ онъ умертвилъ зубами, другихъ задушилъ кольцами туловища, третьи

погибли отъ ядовитой слюны его, послѣдніе отъ одного дыханія.

Кадмъ долго дождался возвращенія своихъ слугъ; наконецъ онъ самъ пошелъ отыскивать ихъ. Онъ накиннулъ на плечи шкуру льва, нѣкогда убитаго имъ, и взялъ копье и дротикъ; но надежные всякаго орудія было его мужественное сердце. Вступивъ въ лѣсъ, онъ увидѣлъ трупы спутниковъ и надъ ними торжествующаго врага, который облизывалъ ихъ кровавымъ языкомъ. «Бѣдные товарищи,» воскликнулъ въ горести Кадмъ, «или я отмщу за васъ, или погибну съ вами!» — Съ этимъ словомъ онъ схватилъ обломокъ скалы и пустилъ въ дракона. Стѣны и башни потряслись бы отъ такого удара, но драконъ былъ защищенъ черною кожей и чешуями, какъ мѣдною броней. Тогда герой взялся за дротикъ; на этотъ разъ шкура чудовища не устояла противъ удара и стальной наконечникъ глубоко вонзился въ тѣло. Въ бѣшенствѣ драконъ повернулъ голову назадъ и переломилъ древко дротика; ударъ меча усилилъ его ярость, его глотка вздулась и ядовитая пасть наполнилась бѣлою пѣной. Выпрямившись, подобно высокому дереву, онъ бросился на героя, но сынъ Агеноровъ уклонился отъ удара и вонзилъ свой мечъ въ горло чудовища съ такою силой, что однимъ ударомъ пронзилъ и стоявшее за нимъ

дерево, которое со стономъ согнулось подъ тяжестію огромнаго тѣла. Кадмъ долго глядѣлъ на низложеннаго врага. Обернувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя Палладу Аѣину; богиня повелѣла ему посѣять въ землѣ зубы дракона, какъ сѣмя будущаго народа. Кадмъ повиновался, провелъ плугомъ широкую борозду по землѣ и началъ сѣять зубы дракона. Вдругъ комья земли зашевелились, изъ борозды показался сначала наконецникъ копья, за нимъ шлемъ съ яркою гривой, потомъ поднялись плечи и грудь, появились вооруженныя руки и наконецъ выросъ изъ земли воинъ въ полномъ вооруженіи. Тоже повторилось и въ другихъ мѣстахъ и цѣлый посѣвъ вооруженныхъ мужей выросъ предъ очами Кадма.

Ужаснулся сынъ Агеноровъ и приготовился къ битвѣ съ новымъ врагомъ. Но одинъ изъ выросшихъ изъ земли людей закричалъ ему: «Не берись за оружіе, не мѣшайся въ междоусобія!» Съ этими словами, онъ вонзилъ мечъ въ ближайшаго воина и самъ въ свою очередь былъ пораженъ копьемъ, брошеннымъ издали. Страшный бой кипѣлъ между воинами; одинъ за другимъ падали они въ смертныхъ судорогахъ и мать земля была напоена кровью своихъ сыновъ. Наконецъ осталось только пятеро бойцевъ. Одинъ изъ нихъ, — его послѣ назвали Эхіономъ, — бросилъ

оружіе по повелѣнію Аѳины и предложилъ миръ; ему послѣдовали остальные.

При помощи этихъ пяти рожденныхъ землею воиновъ Кадмъ, пришлецъ финикійскій, выстроилъ городъ, повинувась волѣ оракула Фебова и назвалъ городъ Фивами.

XI. Преданія объ Эдипѣ.

1. Рожденіе и юность Эдипа.

Нѣкогда царствовалъ въ Беотійскихъ Фивахъ Лаій, сынъ Лабдака, потомокъ Кадма. Онъ долго жилъ въ счастливомъ супружествѣ съ Иокастою, дочерью знатнаго Фиванца Менекія: дѣтей у нихъ не было.

Лаій, сильно желавшій имѣть сына, спросилъ Дельфійскаго оракула и услышалъ слѣдующій отвѣтъ. «Лаій, сынъ Лабдака! Ты просишь, чтобы боги благословили бракъ твой; твое желаніе исполнится: ты будешь имѣть сына; но знай, что судьбою назначено тебѣ погибнуть отъ его руки. Это воля Зевеса Кронида; онъ услышалъ проклятіе Пелопса, у котораго ты погубилъ сына.»

Въ юности Лаій былъ изгнанъ изъ родины, нашелъ гостепріимный приѣмъ въ домѣ царя Пелопоннеза, но заплатилъ неблагодарностію своему благодѣтелю и во время Немейскихъ игръ погубилъ его

прекраснаго сына, Хризиппа. Сознвая свою вину, Лаій повѣрилъ предсказанію и не смѣлъ уже болѣе желать сына, какъ вдругъ его супруга родила младенца. Помня грозное предсказаніе, родители рѣшились погубить сына, прокололи ему ноги, связали ихъ и приказали бросить его на дикую гору Киверонъ. Пастухъ, которому было отдано это жестокое приказаніе, почувствовалъ состраданіе къ невинному мальчику и передалъ его другому пастуху, который на той же горѣ пасъ стада царя Коринскаго Полиба. Возвратившись домой, пастухъ донесъ Лаію и Юкастѣ, что порученіе ихъ исполнено. Несчастные родители думали, что дитя ихъ погибло отъ голода, или съѣдено дикими звѣрьми и что предвѣщаніе оракула не сбудется. Они успокоили свою совѣсть тѣмъ, что, погубивъ сына, спасли его отъ отцеубійства и съ тѣхъ поръ не заботились болѣе о предсказаніи оракула.

Пастухъ Полиба развязалъ ноги принесеннаго младенца, котораго имя и происхожденіе были ему неизвѣстны, и назвалъ его Эдипомъ (пухлоногимъ), потому что его пятки были проколоты и ноги распухли. Онъ принесъ мальчика своему господину, царю Полибу. Царь сжалился надъ нимъ и далъ его своей супругѣ Меропѣ, которая и приняла его вмѣсто сына. Достигши юношескаго воз-

раста, Эдипъ пользовался великимъ почетомъ во всемъ царствѣ и росъ въ полной увѣренности, что онъ единственный сынъ и наслѣдникъ Полиба, у котораго не было другихъ дѣтей. Однажды онъ былъ случайно выведенъ изъ пріятнаго заблужденія. Одинъ Коринѳянинъ, который давно враждовалъ съ нимъ изъ зависти, однажды на пиру, разгоряченный виномъ, закричалъ ему черезъ столъ, что онъ не сынъ царя. Пораженный неожиданнымъ упрекомъ, юноша едва дождался конца пира и тогда обратился къ мнимымъ родителямъ и просилъ у нихъ объясненія. Полибъ и супруга его разгнѣвались на обидчика и всѣми силами старались уничтожить сомнѣнія питомца, не давая ему, однако же, прямого и истиннаго отвѣта. Ихъ обрадовала любовь его, но тяжкое сомнѣніе терзало сердце Эдипа. Наконецъ тайно отъ родителей, онъ отправился въ путь къ оракулу Дельфійскому, который могъ избавить его отъ обиднаго обвиненія. Но Фебъ Аполлонъ не только не далъ ему отвѣта на вопросъ, а открылъ еще новое несчастіе, угрожавшее ему. «Ты убьешь собственнаго отца,» говорилъ оракуль, «женись на твоей матери и оставишь послѣ себя ненавистное потомство.»

Невыразимая тоска овладѣла сердцемъ Эдипа, когда онъ услышалъ эти слова, и такъ какъ онъ все еще считалъ добрыхъ воспитателей своихъ,

Полиба и Мерону, своими родителями, то и не рѣшался возвращаться на родину, страшась, по волѣ судьбы, поднять руку на любезнаго родителя Полиба и въ безуміи вступить въ бракъ съ Меропою.

Возвращаясь изъ Дельфъ, онъ направилъ путь въ Беотию. На дорогѣ между Дельфами и городомъ Дауліею, на перекресткѣ, онъ встрѣтилъ колесницу, въ которой сидѣлъ неизвѣстный ему старикъ съ герольдомъ, возницею и двумя слугами. Возница и господинъ его грубо стали гнать встрѣчнаго пѣшехода съ дороги. Эдипъ, отъ природы вспыльчивый, ударилъ грубаго возницу. Разгнѣванный старикъ сильно ударилъ его стрекаломъ ⁽¹⁾ по головѣ. Эдипъ забылся и въ первый разъ употребилъ въ дѣло геройскую силу, которою надѣлили его боги; онъ поднялъ свой дорожный посохъ и нанесъ старику такой ударъ, что тотъ упалъ съ колесницы. Началась общая свалка. Эдипъ бился одинъ противъ троихъ, но его юношеская сила побѣдила, онъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который успѣлъ спастись бѣгствомъ. Потомъ Эдипъ удалился съ мѣста битвы. Никакое предчувствіе не тяготило его; онъ былъ убѣжденъ, что нака-

(1) Греки погоняли коней не бичемъ, а кололи ихъ стрекаломъ т. е. заостренною палкой.

заль какаго нибудь знатнато Фокейца или Беотійца который, хотѣлъ лишить его жизни. Убитый старикъ не имѣлъ никакихъ признаковъ высокаго сана. Но это былъ Лаій, царь Фивскій, отецъ убійцы; онъ ѣхалъ въ Дельфы посовѣтоваться съ оракуломъ. Такъ свершилось двойное предсказаніе, котораго напрасно старались избѣгнуть отецъ и сынъ. Одинъ Платеецъ, по имени Дамазиппъ, нашелъ трупы убитыхъ на перекресткѣ, сжалился надъ ними и похоронилъ ихъ. Ихъ памятникъ — груды камней на перекресткѣ, путники могли видѣть еще спустя нѣсколько вѣковъ.

2. Эдипъ въ Фивахъ; бракъ его съ матерью.

Нѣсколько времени спустя, передъ вратами Беотійскихъ Фивъ явился Сфинксъ, полу-левъ и полу-дѣва, чудовище, рожденное Тифономъ и Ехидною. Оно поселилось на скалѣ и предлагало Фиванцамъ различныя загадки, которымъ научили его музы.

Если кто нибудь брался отгадать загадку и не могъ этого сдѣлать, того чудовище разрывало и пожирало.

По смерти Лаія царемъ въ Фивахъ сдѣлался его шуринъ Креонъ, братъ Юкасты. Когда и сынъ Креона былъ убитъ Сфинксомъ, то царь объявилъ,

что онъ передастъ царство съ рукою Иокасты тому, кто убьетъ Сфинкса. Въ это самое время Эдипъ вступилъ въ Оивы. И опасность, и награда увлекли его; притомъ онъ не очень дорожилъ жизнью, страшась исполненія предсказанья. Онъ отправился къ скалѣ, на которой сидѣлъ Сфинксъ, и потребовалъ загадки. Чудовище предложило ему, по своему мнѣнію, труднѣйшую: «Что такое утромъ о четырехъ, въ полдень о двухъ, вечеромъ о трехъ ногахъ? Изъ всѣхъ созданій оно одно мѣняетъ число ногъ, и чѣмъ у него ихъ меньше, тѣмъ движется оно быстрѣе и сильнѣе.» Эдипъ улыбнулся, потому что загадка вовсе не казалась ему трудною. «То, о чемъ ты спрашиваешь,» сказалъ онъ — «человѣкъ. Утромъ своей жизни, будучи безсильнымъ младенцемъ, ходитъ онъ на двухъ рукахъ и двухъ ногахъ; окрѣпши, въ полдень своей жизни, ходитъ онъ на двухъ ногахъ; наконецъ, подъ вечеръ жизни, онъ дѣлается старцемъ, ищетъ опоры и употребляетъ посохъ вмѣсто третьей ноги.» Загадка была счастливо разрѣшена и Сфинксъ, со стыда и отчаянія бросился со скалы и убился.

Эдипъ въ награду за свой подвигъ получилъ царство и руку вдовы Онъ имѣлъ отъ нея четырехъ дѣтей; сначала сыновей близнецовъ: Этеокла и Полиника, потомъ двухъ дочерей, старшую — Антигону и младшую — Исмену.

3. ОТКРЫТИЕ ТАЙНЫ.

Долго скрывалась ужасная тайна, и Эдипъ, добрый и правосудный царь, счастливо царствовалъ въ Оивахъ, любимый народомъ.

Напослѣдокъ боги послали на страну язву, которая начала жестоко свирѣпствовать между народомъ и противъ которой не помогало никакое средство. Оиванцы искали защиты отъ этого небеснаго бича у своего властителя, котораго считали любимцемъ боговъ.

Мужи и жены, старцы и дѣти, предшествуемые жрецами, державшими въ рукахъ вѣтви маслины, явились предъ царскимъ жилищемъ, сѣли на ступеняхъ олтара ⁽¹⁾, стоявшаго предъ дворцемъ, и ждали появленія властителя. Эдипъ вышелъ и спрашивалъ зачѣмъ собрались они; зачѣмъ городъ наполненъ благоуханіемъ кадильницъ и горестными воплями? Старѣйшій изъ жрецовъ отвѣчалъ ему отъ имени всѣхъ: «Ты видишь самъ, государь, какое бѣдствіе тяготѣетъ надъ нами; нестерпимый жаръ изсушилъ поля и луга; въ домахъ нашихъ свирѣпствуетъ губительный моръ; тщетно силится городъ поднять главу свою изъ кровавыхъ волнъ

(1) Вѣтви маслины были символомъ молившихъ о помощи.

погибели. Въ этой крайности мы прибѣгаемъ къ тебѣ, возлюбленный властитель. Ты избавилъ насъ уже однажды отъ гибельной дани, которую собирала гнѣвная пѣвица загадокъ (1). Конечно, ты свершилъ это не безъ помощи боговъ. Поэтому мы и надѣемся, что ты у боговъ ли, у людей ли, но найдешь намъ помощь.» — «Бѣдныя дѣти,» отвѣчалъ Эдипъ, «я знаю причину мольбы вашей. Я знаю, что вы страдаете, но ничье сердце не страдаетъ болѣе моего, потому что душа моя скорбитъ не о нѣкоторыхъ изъ васъ, а объ цѣломъ городѣ. Не отъ усыпленія пробудили вы меня; я много размышлялъ о средствахъ къ спасенію и одно, кажется, нашелъ. Я отправилъ своего зятя, Креона, къ Пифійскому Аполлону въ Дельфы, спросить бога, чѣмъ, какимъ подвигомъ возможно избавить городъ.»

При этихъ словахъ явился Креонъ и сообщилъ царю, въ присутствіи народа, изреченіе прорицалища. Оно было неутѣшительно. «Богъ повелѣвалъ извергнуть изъ страны преступника, нашедшаго себѣ здѣсь убѣжище, ибо убіеніе Лаія тяжкою виною пало на землю.» Эдипъ, не подозревавшій вовсе, что убитый имъ старецъ былъ тотъ самый, за кого боги такъ прогнѣвались на стра-

(1) Сфинксъ предлагалъ загадки въ стихахъ.

ну, приказалъ разсказать себѣ о смерти Лаія; но ослѣпленіе не покидало его. Онъ объявилъ, что принимаетъ на себя отмстить за убитаго, и распустилъ народъ.

Потомъ приказалъ онъ объявить по всей странѣ повелѣніе, чтобы всякій, кто знаетъ что нибудь объ убійцѣ Лаія, донесъ немедленно царю; чужестранецъ за подобное показаніе получить награду и благодарность отъ города; кто умолчитъ, не желая погубить друга, будетъ удаленъ отъ жертвоприношеній и всякаго сообщества съ людьми. Наконецъ самаго преступника проклялъ онъ страшною клятвой, пожелавъ ему нужды и горя въ теченіе всей его жизни, и наконецъ обрекалъ на гибель. И все это должно было постигнуть виновнаго, если бы онъ даже искалъ убѣжища у очага ⁽¹⁾ царя.

Наконецъ онъ послалъ двухъ вѣстниковъ къ слѣпому прорицателю Тирезію, который мудростию и даромъ прорицаній равнялся самому Аполлону. Старецъ явился предъ царемъ и народомъ, ведомый за руку маленькимъ мальчикомъ. Эдипъ объяснилъ ему, какая забота и бѣда постигла всю страну и просилъ указать на слѣды злодѣйства.

Но Тирезій испустилъ горестный вопль, и, простирая руки къ царю и какъ бы желая удалить

(1) Очагъ былъ домашнимъ алтаремъ.

его, воскликнулъ: «Ужасно знаніе, которое узнающему приноситъ лишь бѣдствіе! Дозволь мнѣ возвратиться домой, о государь; неси свои собственные заботы, и мои оставь мнѣ самому!» Но Эдипъ еще убѣдительнѣе началъ просить предвѣщателя, и народъ, окружавшій его, бросился предъ нимъ на колѣни. Когда же и эти просьбы не поколебали Тирезія, Эдипъ разгнѣвался на него и объявилъ, что не только считаетъ его соучастникомъ въ преступленіи, но готовъ былъ бы видѣть въ немъ самого преступника, если бы Тирезій не былъ слѣпымъ. Это обвиненіе разрѣшило уста слѣпаго прорицателя. «Эдипъ,» сказалъ онъ, «повинуйся собственному приговору. Не говори со мною; не говори ни съ кѣмъ болѣе. Ты преступникъ, своимъ присутвіемъ оскверняющій этотъ городъ! Да, ты цареубійца, живущій въ бракѣ со вдовою уби-таго!»

Въ своемъ ослѣпленіи Эдипъ не хотѣлъ вѣрить столь ужаснымъ обвиненіямъ; онъ называлъ предвѣщателя хитрымъ обманщикомъ; приписывалъ ему и Креону замыселъ овладѣть престоломъ и осыпалъ ихъ жестокими укоризнами. Тирезій удалился въ негодованіи, предсказавъ гибель Эдипу и его племени.

Послѣдовавшій за этимъ жаркій споръ Эдипа съ Креономъ вызвалъ изъ чертога царицу. Иокас-

та была ослѣплена еще болѣе своего супруга. Узнавъ отъ Эдипа, что Тирезій обвиняетъ его въ убійствѣ Лаія, въ гнѣвѣ она начала порицать предвѣщателей. «Вотъ примѣръ тому,» говорила она «какъ мало знаютъ они будущее! Оракулъ предсказалъ моему первому мужу, что онъ погибнетъ отъ руки сына. И что же? Онъ былъ убитъ разбойниками на перекресткѣ; а единственному сыну нашему, когда ему было всего три дня отъ роду, связали ноги и бросили его на пустынную гору. Вотъ какъ сбываются предвѣщанія!» Но эти слова торжествующей царицы поразили Эдипа. «Ты сказала, что Лаій убитъ на перекресткѣ?» спросилъ онъ въ ужасѣ. «О, скажи, каковъ съ виду, какихъ лѣтъ былъ онъ?» — «Онъ былъ высокаго роста,» отвѣчала Иокаста, не понимая волненія своего супруга, «первая сѣдина начинала показываться въ его волосахъ; онъ былъ даже похожъ на тебя, супругъ мой.» — «Тирезій не слѣпъ, Тирезій все видитъ!» воскликнулъ Эдипъ. Другія обстоятельства этого событія еще сильнѣе убѣждали его, что незнакомецъ, встрѣченный и убитый имъ на перекресткѣ, былъ Лаій. Оставалось еще одно сомнѣніе. Единственный изъ спутниковъ Лаія, спасшійся бѣгствомъ, рассказывалъ, что царь былъ убитъ шайкою разбойниковъ. Когда онъ увидѣлъ, что Эдипъ сдѣлался царемъ Фивъ и супругомъ

Юкасты, онъ умолялъ царицу отправить его далеко отъ Фивъ и ему поручено было пасти стада на границѣ царства. Онъ былъ еще живъ и Эдипъ приказалъ привести его, чтобы окончательно разрѣшить страшное сомнѣніе.

До сихъ поръ Эдипа мучила мысль, что онъ убилъ Лаію; но онъ не понималъ еще всей полноты своего несчастія, онъ все еще считалъ себя сыномъ Полиба. Но это заблужденіе вскорѣ было уничтожено.

Изъ Коринѳа прибылъ вѣстникъ и, возвѣстивъ Эдипу о смерти его отца Полиба, призывалъ его на престолъ Коринѳа. Это извѣстіе совершенно уничтожило вѣру Юкасты въ правдивость предсказаній. «Гдѣ вы, предвѣщанія боговъ?» воскликнула она въ торжествѣ. «Отецъ, которому предстояло погнубнуть отъ руки Эдипа, мирно опочилъ вѣчнымъ сномъ!» Самъ Эдипъ былъ увлеченъ увѣренностію супруги, и, забывъ прежнія сомнѣнія, говорилъ: «Къ чему чтимъ мы жертвенникъ Пинѳійскаго бога? Зачѣмъ обращаемъ вниманіе на полетъ птицъ? Ихъ предвѣщанія ничтожны!»

Несмотря на такую увѣренность, Эдипъ не хотѣлъ итти въ Коринѳъ, потому что Мeroпа была жива и онъ все еще опасался, чтобы не сбылось второе предсказаніе. Но посланный успокоилъ его. Онъ объявилъ, что можетъ засвидѣтельствовать,

что Эдипъ не сынъ Полиба и Мерыпы, а Оиванецъ родомъ; что самъ онъ нѣкогда пасъ стада царя Полиба на горѣ Киѳеронѣ, гдѣ Эдипъ младенцемъ былъ переданъ ему другимъ пастухомъ. «У тебя были проколоты и связаны ноги, почему тебя и прозвали Эдипомъ.»

Теперь Эдипъ наконецъ могъ узнать истину о своемъ происхожденіи. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ открылось, что пастухъ, передавшій Эдипа Коринѳянину, былъ тотъ самый служитель, который сопровождалъ Лаію въ его послѣднемъ путешествіи. Эдипъ приказалъ немедленно привести его.

Теперь все было ясно для несчастной Іокасты. Съ горестнымъ воплемъ покинула она собраніе и удалилась въ чертоги. Но Эдипъ и тутъ ничего не понималъ. «Гордая жена,» говорилъ онъ, «опасается, что я незнатнаго рода. Но я считаю себя сыномъ счастья и горжусь своимъ происхожденіемъ.»

Наконецъ привели стараго пастуха и Коринѳянинъ тотчасъ узналъ въ немъ того самого, который передалъ ему нѣкогда маленькаго Эдипа. Сначала старикъ не хотѣлъ открывать своей тайны, чувствуя всю ея важность; но когда Эдипъ сталъ угрожать ему смертию, то онъ сознался, что Эдипъ былъ сынъ Лаіи и Іокасты, и что онъ, получивъ повелѣніе умертвить малютку, пощадилъ его изъ состраданія.

4. Казнь Эдипа и Иокасты.

Въ изступленіи Эдипъ бросился въ свой дворець и бѣгалъ по чертогамъ, требуя меча, чтобы умертвить чудовище, которое было ему и матерью, и супругой. Наконецъ кинулся онъ въ опочивальню, выломилъ дверь и ворвался въ покой. Страшный видъ поразилъ его взоры. Иокаста мертвая висѣла надъ постелью: она сама повѣсилась съ отчаянія. Эдипъ снялъ ея трупъ и бережно положилъ на полъ. Потомъ онъ сорвалъ съ груди своей супруги золотую пряжку, высоко поднялъ ее надъ головой, изрекъ проклятіе очамъ своимъ, свидѣтелямъ столькихъ преступленій, и пряжкою выкололъ себѣ глаза. Тогда онъ приказалъ слугамъ открыть двери и выставить его на позоръ, какъ царубійцу, проклятаго небомъ и внушающаго землѣ одно отвращеніе. Его воля была исполнена, но народъ, вмѣсто упрековъ, изъявилъ глубокое состраданіе своему повелителю. Даже Креонъ, нѣкогда оскорбленный неправымъ подозрѣніемъ, поспѣшилъ сокрыть отъ лучей солнца и взоровъ народа мужа, пораженнаго небеснымъ проклятіемъ, и поручить его заботливости его семьи. Такое участіе смягчило сердце ожесточеннаго Эдипа. Онъ передалъ престоль Креону съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ

на себя опеку надъ молодыми сыновьями Эдипа; просилъ, чтобы супругу его погребли прилично и особенно поручалъ своихъ дочерей заботливости новаго царя. Относительно себя онъ требовалъ, чтобы его изгнали изъ города, который онъ осквернилъ двойнымъ преступленіемъ и отвели на гору Киѳеронъ, которую уже родители предназначили ему могилою и гдѣ онъ и теперь желаетъ предаться совершенно волѣ боговъ. Потомъ онъ призвалъ своихъ дочерей, которыхъ голосъ хотѣлъ услышать еще разъ и возложилъ руки на ихъ невинныя головы. Креона благословилъ онъ за всю любовь, которую тотъ ему выказалъ, и пожелалъ, чтобы боги любили его и весь народъ и берегли болѣе, нежели самого Эдипа.

Тогда Креонъ увелъ его во дворецъ и Эдипъ, нѣкогда прославленный спаситель Оивъ, которому повиновались тысячи, который разрѣшилъ столь глубокія тайны и напоследокъ разгадалъ страшную тайну своей жизни, слѣпымъ нищимъ долженъ былъ выйти изъ воротъ отечественнаго города и идти за предѣлы родины.

ГЁТЕ (1).

I.

Величайшій поэтъ новѣйшихъ временъ, біографія котораго составляетъ предметъ нашей статьи, былъ происхожденія самаго неблестящаго. Его родословная не восходитъ дальше половины XVII столѣтія. Около этого времени впервые встрѣчается фамилія Гёте въ числѣ жителей небольшого городка Артерна, находящагося въ графствѣ Мансфельдъ, что въ Тюрингіи. Фамилія эта принадлежала прадѣду нашего поэта, Гансу Кристиану Гёте, ремесломъ кузнецу. Сынъ его, Фридрихъ, обучившись портняжному искусству, переселился, по достиженіи совершеннолѣтія, въ Франкфуртъ на Майнъ, записался тамъ въ цехъ и женился. Отъ первой жены было у него нѣсколько дѣтей, но

(1) Настоящая статья составляетъ извлеченіе изъ біографіи Гёте, помѣщенной нами въ журналъ «Библиотека для Чтенія» за 1857 г.

всѣ они жили недолго. Недолго жила и супруга Фридриха. Черезъ пять лѣтъ по смерти ея, онъ женился во второй разъ, на вдовѣ, трактирщикѣ Корнелии Шельгорнъ, женщиной немолодой, но зажиточной, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей. Младшій изъ нихъ, Юганнъ Каспаръ, получилъ хорошее воспитаніе, въ молодости путешествовалъ по Италіи, потомъ занялъ должность совѣтника въ Франкфуртѣ и женился на Катаринѣ Елизаветѣ, дочери судьи Текстора. Плодомъ этого брака былъ знаменитый Юганнъ Вольфгангъ Гёте, явившійся на свѣтъ ровно въ полдень 28 Августа 1749 года.

Признаки необыкновеннаго человѣка обнаружались въ Гёте съ самаго ранняго дѣтства. Когда ему было всего три года, рѣдко удавалось склонить его къ играмъ съ другими дѣтьми, и то на одномъ только условіи, что товарищами его будутъ красивыя дѣти. Такъ сильно было въ немъ врожденное чувство изящнаго. Однажды, въ гостяхъ у сосѣда, онъ страшно расплакался, закричалъ: «Прогоните этого гадкаго мальчика! я не могу видѣть его!» и не переставалъ рыдать, пока не унесли его домой; но и дома онъ не скоро успокоился. Вся причина его рыданій состояла въ томъ, что ребенокъ, на котораго онъ указывалъ, былъ дѣйствительно очень дурень собою.

Кромѣ Вольфганга и младшей его сестры, Корнелии, у родителей Гёте было еще четверо дѣтей; но всѣ они скоро умерли. Корнелия, живая, веселая дѣвочка, двумя годами моложе Вольфганга, была единственнымъ товарищемъ и другомъ его дѣйства. Онъ страстно любилъ ее, дѣлился съ ней своими игрушками, няньчилъ ее, ревновалъ къ ней всѣхъ и cadaго и страшно сердился, когда ее брали изъ колыбели, которую онъ качалъ. Вообще гораздо легче было его разсердить, чѣмъ привести въ слезы.

Добрая *фрау Ая* — такъ звали въ дружескомъ кругу мать Гёте — нѣжно любила и даже немножко баловала своего Вольфганга. Разъ, въ воскресенье утромъ, когда вся семья была въ церкви, онъ забрался въ кухню, выходившую окнами на улицу; шая, сталъ швырять за окно посуду и съ наслажденіемъ прислушивался къ ея дребезжащему звону. Хохотъ сосѣдей, глядѣвшихъ на эту проделку, еще больше его подзадоривалъ. Блюда и тарелки вылетали на улицу одни за другими, когда подошла мать. Съ ужасомъ хозяйки увидѣла она эту картину и — сама разсмѣялась дѣтскимъ смѣхомъ, услышавши, какъ сердечно хохочетъ ея маленькій шалунъ, и какъ смѣются надъ нимъ сосѣди.

Эта добрая, снисходительная мать отлично раз-

сказывала сказки и охотно пользовалась своим даромъ, чтобы доставить удовольствіе дѣтямъ и самой себѣ. «Воздухъ, огонь, землю и воду,» говорила она: «я представляла въ видѣ принцессъ и всѣмъ физическимъ явленіямъ придавала смыслъ, въ который вѣрила почти больше, чѣмъ мои маленькіе слушатели.... Я также, какъ и они, всякій разъ нетерпѣливо ждала вечера, чтобъ приняться за сказки. Меня самую занималъ будущій ходъ моей импровизациі. Всякое приглашеніе въ гости, разстроенвавшее наши вечера, было для насъ непріятно. Во время сказыванья сказки большіе черные глаза Вольфганга такъ и впились въ меня. Когда судьба котораго нибудь изъ его любимцевъ не согласовалась съ его ожиданіями, жилы на вискахъ у него надувались гнѣвомъ, и онъ съ трудомъ сдерживалъ слезы. «Маменька!» часто прерывалъ онъ меня, «принцесса не выйдетъ замужъ за гадкаго портнаго, не выйдетъ, хотя бы онъ и убилъ великана.» А когда случалось отложить продолженіе сказки до слѣдующаго вечера, я была впередъ увѣрена, что Вольфгангъ самъ придумасть къ ней окончаніе. Этимъ онъ часто подстрекалъ мое воображеніе. Если я досказывала сказку согласно его плану и говорила, что онъ угадалъ развязку, — онъ весь обращался въ огонь и пламя: можно было видѣть тогда, какъ бьется подъ курточкой его серд-

чишко. Бабушкѣ, которая очень его любила и баловала, онъ повѣрялъ всѣ свои догадки о томъ, какъ окончится сказка. Бабушка тайкомъ отъ него сообщала мнѣ нужныя свѣдѣнія, и я досказывала сказку къ полному удовольствію и удивленію слушателей. Глазки Вольфганга разгорались; онъ слушалъ съ восторгомъ, какъ исполнялись собственные его предположенія. Мы съ бабушкой никогда не открывали ему нашей уловки.»

Совершенно иначе поступалъ съ своими дѣтьми отецъ Гёте. Это былъ холодный, суровый формалистъ, отчасти даже педантъ, но въ то же время честный и правдивый человѣкъ. Дѣтей своихъ онъ не то, что не любилъ, а просто былъ холодець къ нимъ и почти никогда не ласкалъ ихъ. Вообще онъ велъ себя деспотически, требовалъ отъ семьи безусловнаго повиновенія и достигъ того, что въ домашнемъ кругу слово его было закономъ. Зато, съ другой стороны, жена, дѣти и друзья больше уважали его, нежели любили.

Когда Вольфгангу исполнилось пять лѣтъ, отецъ самъ занялся его воспитаніемъ. Справедливо полагая, что въ ребенкѣ нужно упражнять болѣе умъ, чѣмъ память, онъ обыкновенно диктовалъ сыну какойнибудь анекдотъ, черту какуюнибудь изъ жизни Фридриха Великаго, или же предоставлялъ ему самому выбирать предметъ для сочиненія и на

такія темы заставлялъ его писать діалоги и нравственныя разсужденія по-латыни и по-нѣмецки. Изъ этихъ упражненій, писанныхъ Вольфгангомъ на шестомъ, седьмомъ и восьмомъ году, многія до сихъ поръ уцѣлѣли. По нимъ можно судить, какіе быстрые успѣхи дѣлалъ онъ въ изученіи языковъ: прежде чѣмъ исполнилось ему восемь лѣтъ, онъ уже писалъ свободно по-нѣмецки, по-французски, по-итальянски, по-латыни и по-гречески. Итальянскому языку онъ выучился между дѣломъ и бездѣльемъ, слушая уроки, которые отецъ давалъ его сестрѣ, Корнелии.

Весною 1754 года начались передѣлки въ старомъ домѣ, гдѣ жило семейство Гёте. Вольфгангъ, въ костюмѣ маленькаго каменьщика, принималъ дѣятельное участіе въ закладкѣ фундамента. Живою, наблюдательнымъ мальчикъ, онъ нашелъ много интереснаго въ перестройкѣ отцовскаго дома: часто разговаривалъ съ рабочими, знакомился съ ихъ бытомъ и пріобрѣталъ начальныя свѣдѣнія въ архитектурѣ. Во время этихъ передѣлокъ отецъ не имѣлъ времени заниматься Вольфгангомъ и потому отдалъ его въ домъ къ одному изъ своихъ друзей; а чтобъ ребенокъ не баловался — приказалъ ему ходить въ школу.

Изъ школы Вольфгангъ вынесъ только отвращеніе ко всѣмъ подобнымъ заведеніямъ. Ему, взле-

лѣянному подѣ матушкинымъ крылышкомъ, тяжело было среди мальчугановъ, которые, какъ большая часть школьниковъ, были грязны, своевольны, жестоки, съ грубыми наклонностями и привычками. Разница между школой и домашнимъ очагомъ оказалась для него слишкомъ тягостной, и онъ несказанно обрадовался, когда окончаніе работъ въ отцовскомъ жилищѣ снова дало ему возможность учиться дома.

Въ автобіографіи своей, изданной въ 1811 году, подѣ заглавіемъ *Aus meinem Leben. Wahrheit und Dichtung* (поэзія и правда моей жизни), Гёте рассказываетъ между прочимъ слѣдующій анекдотъ, прекрасно характеризующій силу его самообладанія. Въ школѣ, которая ему такъ не понравилась, запрещено было ученикамъ, подѣ опасеніемъ строгаго взыскапія, шалить и драться во время уроковъ. Однажды учитель почему-то не пришелъ въ классъ. Ребятишки, пользуясь свободнымъ временемъ, стали играть между собою. Часъ урока приходилъ уже къ концу, когда трое учениковъ, оставшись одни съ Вольфгангомъ, задумали прогнать его изъ класса. Они на минуту ушли, добыли гдѣ-то метлу, надергали изъ нея розокъ и вернулись къ своей жертвѣ. «Я» говоритъ Гёте, «замѣтилъ ихъ умыселъ, но рѣшился не защищаться, пока не прольетъ звонокъ. Они принялись безжалостно хлестать

меня по ногамъ. Я не шевелился, хотя отъ боли каждая минута казалась мнѣ вѣчностью. Гнѣвъ усиливался во мнѣ вмѣстѣ съ страданіемъ. При первомъ ударѣ звонка, я схватилъ одного изъ моихъ непріятелей за волосы, швырнулъ его на полъ и уперся въ спину его колѣномъ; голову другаго, нападавшаго на меня сзади, я притянулъ къ себѣ подъ мышку, сталъ душить его и чуть было совсѣмъ не задавилъ; ловкимъ ударомъ сшибъ съ ногъ и третьяго, поваливши его ничкомъ на полъ. Побѣжденные кусали меня, царапали, били ногами; но душа моя была полна однимъ чувствомъ мести, и я безъ пощады стучалъ головою одного объ голову другаго. Отчаянные ихъ крики переположили весь домъ. Меня однако оправдали разсыпанныя вокругъ розги и окровавленные мои ноги.»

Да, Гёте былъ удивительный ребенокъ. Однажды его мать, увидя въ окно, что онъ съ товарищами возвращается домой, обратила вниманіе на его необыкновенно важную поступь и шутя спросила, не думаетъ ли онъ этимъ отличить себя отъ своихъ сверстниковъ. «Да, пока такъ,» отвѣчалъ Вольфгангъ; «а со временемъ я буду отличаться совершенно иначе.»

Въ другой разъ онъ приставалъ къ матери съ вопросомъ: «исполнять ли звѣзды все, что онѣ предвѣщали при его рожденіи?» — «Да зачѣмъ тебѣ помощь звѣздъ?» спросила мать: «Вѣдь другіе обхо-

дятся же безъ нея.» — «Для меня не довольно того, что достаточно для другихъ,» гордо отвѣтилъ ребенокъ.

Творческая способность обнаружилась въ немъ чрезвычайно рано. Мы уже говорили, какъ онъ придумывалъ развязки къ сказкамъ, которыя ему рассказывала мать; вскорѣ, подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ книгъ — а читалъ онъ много — началъ онъ писать для своихъ товарищей цѣлые рассказы собственнаго сочиненія. Ему было всего девять лѣтъ, когда умеръ отъ оспы младшій братъ его, Яковъ. Мать, замѣтивши, что Вольфгангъ не плачетъ, крайне удивилась и спросила его: «Развѣ ты не любишь брата, что не жалѣешь о его смерти?» Въмѣсто отвѣта, онъ побѣжалъ къ себѣ въ комнату, вытащилъ изъ подъ кровати цѣлую кипу бумагъ, на которыхъ были написаны уроки и сказки, принесъ ихъ къ матери и сказалъ: «Все это я для Яши готовилъ.»

Въ январѣ 1759 г., по случаю Семилѣтней войны, Французскія войска заняли Франкфуртъ. Обстоятельство это имѣло во многихъ отношеніяхъ выгодныя послѣдствія для маленькаго Гёте: оно освободило ребенка отъ излишне-строгаго отцовскаго надзора, познакомило его съ жизнью и ея обычаями и дало ему возможность усовершенствоваться во французскомъ языкѣ. Но особенно силь-

ное вліяніе имѣлъ на него театръ, который Французы открыли въ Франкфуртѣ. Вольфгангъ получилъ отъ дѣда своего билетъ на всѣ представленія и такъ полюбилъ сцену, что не пропускалъ ни одного спектакля. Этого мало: онъ отыскалъ въ отцовской библіотекѣ трагедіи Расина и принялся ревностно изучать ихъ, декламируя стихи на манеръ французскихъ актеровъ.

Въ театрѣ онъ познакомился съ сыномъ одной актрисы, Дерономъ, который, будучи нѣсколькими годами старше Гёте и принявъ на себя роль покровителя и наставника, съ важностью посвящалъ своего маленькаго пріятеля въ тайны закулисной жизни. Это былъ мальчикъ вообще неглупый, добрый, но страшный хвастунишка. Между нимъ и Вольфгангомъ вышла однажды презабавная сцена. Деронъ, какъ самъ онъ увѣрялъ, отличался въ «дѣлахъ, касающихся чести», имѣлъ нѣсколько дуэлей, всегда обезоруживалъ своихъ противниковъ и потомъ великодушно прощалъ ихъ. Разъ онъ сталъ утверждать, что Вольфгангъ оскорбилъ его, потребовалъ удовлетворенія, и дуэль была назначена. Представьте себѣ маленькаго Гёте въ праздничномъ костюмѣ, завитаго и напудренного по тогдашней модѣ, въ башмакахъ съ серебряными пряжками, въ тонкихъ шерстяныхъ чулкахъ, темныхъ саржевыхъ панталонахъ, зеленомъ

кафтанъ съ галунами, въ парчевомъ камзолѣ, сшитомъ изъ отцовскаго свадебнаго жилета, съ треугольной шляпой подъ мышкой и съ маленькой шпагой, рукоять которой была украшена большимъ атласнымъ бантомъ. Этотъ человѣчекъ становится передъ своимъ противникомъ въ театральную позу; шпаги скрещиваются, ударъ слѣдуетъ за ударомъ, бой кипитъ и кончается тѣмъ, что Деронъ попадаетъ концемъ своей шпаги въ рукоятку Вольфганговой. Послѣ этого побѣдитель торжественно объявилъ, что онъ считаетъ себя удовлетвореннымъ; затѣмъ противники обнялись и поспѣшили въ ближайшую кофейню выпить по стакану миндальнаго молока въ знакъ совершеннаго примиренія.

Вскорѣ, подъ вліяніемъ театра, родилось въ душѣ Гёте желаніе сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Онъ сочинилъ на французскомъ языкѣ небольшую пьесу и представилъ ее на судъ Дерону. Тотъ сейчасъ же замѣтилъ въ ней много грамматическихъ ошибокъ, но обѣщалъ разсмотрѣть ее подробно и сказалъ, что будетъ *содѣйствовать* постановкѣ ея на сцену. Вольфгангу уже мерещились на всѣхъ перекресткахъ афиши съ заглавіемъ его пьесы, напечатаннымъ крупными буквами; но увы! мечтамъ его не суждено было исполниться. Безпощадный критикъ, Деронъ распушилъ пьесу

въ пухъ и прахъ и оглушилъ бѣднаго автора цѣлымъ потокомъ критическихъ терминовъ. Онъ прежде всего провозгласилъ безусловную вѣрность теоріи трехъ единствъ, потомъ обругалъ Англичанъ, которые считали эту теорію ложной, посмѣялся надъ Нѣмцами и заговорилъ о превосходствѣ французскаго вкуса такимъ увѣреннымъ тономъ, что слушатель не могъ возразить ему ни слова. Однако болтовня Дерона не убѣдила Гёте и только заставила его серьезно подумать о законахъ драматическаго искусства. Онъ принялся изучать все, что было писано о единствахъ Корнелемъ и Расиномъ. Слѣдствіемъ этихъ занятій было глубокое презрѣніе къ теоріи французскихъ трагиковъ, высказавшееся потомъ въ *Гётцъ фонъ Берлихингенъ*.

Въ іюнѣ 1761 года Французы оставили Франкфуртъ, и Гёте снова взялся за обычные занятія. Подъ руководствомъ отца, онъ началъ учиться математикѣ, музыкѣ и рисованію. Къ математикѣ онъ вовсе не имѣлъ способности; къ музыкѣ — очень мало: онъ учился играть на клавикордахъ и потомъ на віолончели, но никогда не дѣлалъ большихъ успѣховъ ни на томъ, ни на другомъ инструментѣ. Рисованіе постоянно составляло одно изъ любимыхъ его упражненій.

Въ тиши непрерывныхъ занятій онъ сдѣлалъ громадныя успѣхи. Даже часы отдыха были заня-

ты у него какимъ нибудь полезнымъ дѣломъ. Онъ выучился англійскому языку и для практики придумалъ особеннаго рода упражненіе: сочинилъ романъ, въ которомъ выставлены шесть братьевъ и одна сестра, живущіе въ различныхъ пунктахъ земнаго шара и ведущіе между собою переписку на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, латинскомъ, греческомъ и нѣмецко-еврейскомъ языкахъ. Этотъ романъ заставилъ Вольфганга точнѣе изучить географію. Размѣстивши своихъ героевъ по различнымъ мѣстамъ земли, Гёте хотѣлъ имѣть ясное понятіе объ этихъ мѣстностяхъ для того, чтобъ предметы и событія романа походили на правду. Стараясь усвоить себѣ нѣмецко-еврейское нарѣчіе, онъ перешелъ къ изученію древне-еврейскаго языка; ему казалось необходимымъ ознакомиться съ подлиннымъ языкомъ Св. Писанія. Отецъ согласился дать ему еврейскаго учителя, и хотя Вольфгангъ не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ этомъ трудномъ языкѣ, за то чтеніе, переводъ и заучиванье наизусть отрывковъ изъ библіи во многомъ уяснили ему смыслъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

Плодомъ библейскихъ занятій была поэма объ Іосифѣ и братьяхъ его, которую Гёте диктовалъ бѣдному полуидіоту, жившему въ домѣ его отца и страстно любившему переписывать что нибудь или писать подъ диктовку. Гёте вскорѣ нашель

диктовку очень удобной; она сдѣлалась его любимымъ способомъ сочиненія. «Всѣ лучшія мысли и выраженія,» говоритъ онъ, «приходили мнѣ въ голову въ то время, когда я ходилъ; сидя я не могъ ничего дѣлать.»

Къ этому же времени относится знакомство Вольфганга съ Фрейлейнъ фонъ Клетенбергъ, женщиной глубоко религіозной и всегда имѣвшей на него сильное вліяніе. Ея письма и бесѣды съ нею послужили ему въ послѣдствіи матеріаломъ для одного изъ лучшихъ эпизодовъ въ романѣ *Вильгельмъ Мейстеръ*, именно для того разказа, который названъ «Признаніями прекрасной души» (*Bekenntnisse einer schönen Seele*). Подъ вліяніемъ Фрейлейнъ, пятнадцатилѣтній Гёте написалъ цѣлый рядъ религіозныхъ одъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ, и переписавши ихъ на-чисто въ тетрадь, поднесъ отцу. Нечего и говорить, какъ обрадовался старикъ; онъ просилъ, чтобы сынъ каждый годъ дарилъ ему такую тетрадь.

Поэзія не мѣшала Вольфгангу заниматься наукой. Въ угоду отцу онъ усердно трудился надъ законовѣдѣніемъ; въ угоду самому себѣ еще усерднѣе занимался литературой. Изученіе языковъ, исторіи и древностей внушило ему мысль сдѣлаться профессоромъ. Онъ сталъ проситься въ университетъ. Отецъ охотно далъ свое согласіе, потому

что просьба эта вполне отвѣчала его собственному завѣтному желанію — образовать изъ Вольфганга ученаго юриста.

Такимъ образомъ въ октябрѣ 1765 года шестнадцатилѣтній Гёте пріѣхалъ въ Лейпцигъ и 19 числа того же мѣсяца записался въ число студентовъ тамошняго университета. Прежде всего онъ представился гофрату Бёме, профессору исторіи и государственнаго права, узкому спеціалисту, не признававшему за предѣлами своей науки ничего хорошаго. Узнавши, что Вольфгангъ желаетъ посвятить себя изученію изящныхъ искусствъ и литературы, Бёме назвалъ то и другое пустяками и сталъ говорить, что возможность сдѣлаться со временемъ замѣчательнымъ юристомъ должна составлять главную цѣль всѣхъ стремленій молодаго студента. Его слова подѣйствовали на впечатлительнаго юношу. Гёте, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми новичками, сначала взялся горячо за работу: прилежно посѣщалъ лекціи философіи, исторіи права и законовѣдѣнія, такъ что даже отецъ его не могъ бы пожаловаться; но припадокъ усердія скоро прошелъ. Прежде всего Вольфгангъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ логикѣ, и это понятно: онъ жаждалъ найти въ наукѣ живое слово, а логика представляла ему одиѣ сухія и безжизненныя формулы мышленія. Вскорѣ и за-

коновѣдѣніе ему надоѣло. Онъ зналъ уже все, что профессоръ считалъ нужнымъ передавать своимъ слушателямъ; университетскія лекціи томилъ его скукой, и онъ сталъ рѣже посѣщать ихъ; но за то съ особеннымъ усердіемъ старался поучаться внѣ университета.

Обѣдая постоянно у ректора, онъ встрѣчался тамъ со многими студентами медицинскаго факультета, которые почти не вели другихъ разговоровъ, какъ только о медицинѣ и ботаникѣ. Это обстоятельство опредѣлило для него новый родъ занятій: онъ сталъ учиться медицинѣ, потому что всегда отличался склонностью принимать живое участіе во всемъ, что занимало окружавшихъ его. Другимъ источникомъ образованія было для него дамское общество. Нужно замѣтить, что онъ явился въ Лейпцигѣ совершеннымъ провинціаломъ: неотесаннымъ, своенравнымъ, съ грубыми манерами, съ рѣзкимъ провинціальнымъ выговоромъ и провинціальными выраженіями, къ которымъ онъ примѣшивалъ еще различныя поговорки и библейскія цитаты. Самый костюмъ его бросался въ глаза. У Вольфганга былъ большой запасъ платья, но платья къ несчастью вдвойнѣ провинціального: состряпанное дома однимъ изъ отцовскихъ слугъ, оно было сшито по франкфуртской модѣ и притомъ сшито безобразно. Къ довершенію всего, на-

шему герою пришлось увидѣть, какъ одинъ комическій актеръ страшно разсмѣшилъ публику, явившись на сценѣ въ роли деревенскаго недоросля въ такомъ точно костюмѣ, какой былъ у Вольфганга. Случай этотъ сильно задѣлъ самолюбіе молодого студента. Гёте увидѣлъ какъ въ зеркалѣ внѣшніе свои недостатки, но самъ исправить ихъ не умѣлъ. Къ счастью, жена профессора Бёме, женщина очень умная и образованная, приняла искреннее участіе въ положеніи Вольфганга. Она не только выучила его свѣтскимъ приличіямъ, но и способствовала развитію въ немъ изящнаго вкуса; ввела его въ общество, выучила играть въ ломберъ и пикетъ, исправила дурныя его замашки и ясно доказала ему, что поэты, которыми онъ восхищался, были бездарные писаки, и что собственные его подражанія имъ никуда не годились. Онъ увидѣлъ, что его стихотворенія дѣйствительно безжизненны, и собравши всѣ свои сочиненія, прозу и стихи, бросилъ ихъ въ печь.

Вскорѣ и общество ему надоѣло: карты никогда не доставляли ему удовольствія, а безконечные споры о поэзіи стали наводить на него тоску. Кромѣ того, свѣтскія приличія сильно стѣсняли его, заставляя вѣчно быть на-сторожѣ и взвѣшивать каждое слово. Такое натянутое положеніе было слишкомъ противно его живой, вольнолюбивой приро-

дѣ; а потому не мудрено, что онъ, вдали отъ друзей и родныхъ, скоро почувствовалъ тоску одиночества. Впрочемъ грусть его продолжалась не долго. Другъ его, Шлоссеръ, женившійся въ послѣдствіи на его сестрѣ, пріѣхалъ въ Лейпцигъ и своими убѣжденіями, а еще болѣе собственнымъ примѣромъ, пробудилъ въ Гёте охоту къ труду и къ творческой дѣятельности, слѣдствіемъ чего былъ цѣлый рядъ стихотвореній, написанныхъ Вольфгангомъ на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ.

Отставши отъ порядочнаго общества, молодой, пытливый и подвижной Гёте принялся искать развлеченія въ совершенно иной сферѣ: познакомился съ лицами весьма сомнительной репутаціи, сталъ шалить, проказничать и вообще началъ вести образъ жизни не совсѣмъ приличный для молодаго студента. Прежніе его друзья сильно огорчились, узнавши, что онъ промѣнялъ хорошее общество на безпутныя знакомства; но Вольфгангъ вышелъ чистъ и невредимъ изъ житейскаго омута. Онъ не испортился въ дурномъ обществѣ, а только сталъ опытнѣе, ближе ознакомился съ темными сторонами человѣческой природы и въ послѣдствіи прекрасно воспользовался своимъ опытнымъ знаніемъ. «Сколько семействъ,» говоритъ онъ, «болѣе или менѣе знакомыхъ мнѣ, погибло или едва удержалось на

краю гибели отъ банкротствъ, разводовъ, убійствъ, кражъ и отравленій! Несмотря на мою молодость, я часто подавалъ въ подобныхъ случаяхъ руку помощи и спасенія, потому что искренность моя внушала всѣмъ довѣріе ко мнѣ; скромности я былъ испытанной, а дѣятельность моя не пугалась никакой жертвы. Напротивъ, я даже любилъ опасные случаи; оттого мнѣ не разъ приходилось быть посредникомъ и утѣшителемъ, не разъ приходилось отвращать семейныя бури. Все это заставило меня невольно узнать много грустнаго и унижительнаго.»

Подъ вліяніемъ такого горькаго опыта, онъ задумалъ нѣсколько драмъ; но интриги, имъ придуманныя, были такъ однообразны, грозили такими страшными развязками, что онъ самъ признавалъ ихъ неудовлетворительными и незаслуживающими исполненія. Впрочемъ одна изъ этихъ пьесъ была имъ написана вполне. Она напечатана въ полномъ собраніи его сочиненій подъ заглавіемъ: *Взимные грѣшники (Die Mitschuldigen)*; не отличаясь особенными достоинствами, она интересна какъ произведеніе юноши, недостигшаго еще восемнадцати лѣтъ.

Еще сильнѣе почувствовалъ Вольфгангъ свое одиночество, когда умерла фрау Бѣме: онъ лишился въ ней лучшаго своего наставника и друга. Профессоръ давно уже охладѣлъ къ нему, потерявши

надежду сдѣлать изъ него замѣчательнаго юриста, потому что Гёте, вмѣсто законовѣдѣнія, занимался на лекціяхъ рисованіемъ каррикатуръ на различныхъ законниковъ. Лекціями онъ пренебрегалъ; за то много трудился надъ тѣмъ, что ему нравилось: изучалъ Мольера, Корнеля, въ особенности же Шекспира; писалъ стихи, учился гравированію и прилежно занимался живописью.

Къ концу своего пребыванія въ Лейпцигѣ онъ сдѣлался печаленъ, угрюмъ и капризенъ, словомъ сталъ хандрить. Его хандра была слѣдствіемъ не столько моральныхъ, сколько физическихъ причинъ. Разсѣянная жизнь, дурная пища (особенно пиво и кофе) и нелѣпыя попытки возвратиться, по теоріи Руссо, къ первобытной простотѣ нравовъ, сильно разстроили его здоровье. Лѣтомъ 1768 г. у него вдругъ открылось ночью страшное кровотеченіе, ослабившее его до того, что онъ едва могъ позвать на помощь товарища своего, студента, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ. Къ счастью, докторъ явился во-время и принялъ живѣйшее участіе въ больномъ; но и то въ теченіи нѣсколькихъ дней Гёте былъ на волоскѣ отъ смерти. Наконецъ врачъ объявилъ, что опасность миновала. Вольфгангъ стал поправляться, но медленно: на шеѣ у него образовалась большая опухоль, замедлившая окончательное его выздоровленіе.

Въ сентябрѣ 1768 года, разстроенный душевно и тѣлесно, вернулся онъ во Франкфуртъ. Отецъ, недовольный слабыми успѣхами сына въ юриспруденціи, принялъ его чрезвычайно холодно; за то мать и сестра встрѣтили Вольфганга съ любовью, вполне вознаградившей его за холодность отца. Онѣ были тронуты болѣзненнымъ видомъ ихъ любимца и, какъ женщины, больше интересовались имъ самимъ, нежели его учеными подвигами.

Опухоль на шеѣ вскорѣ приняла опасный характеръ, тѣмъ болѣе, что Франкфуртскіе доктора не знали, чему приписать ее, и какъ взяться за леченіе. Послѣ долгихъ совѣщаній, они рѣшили лечить ее прижиганіемъ и осудили больного на постоянное заключеніе въ комнатѣ. Средства, ими употребленныя, помогли: къ концу года Гёте выздоровѣлъ; но, спустя нѣкоторое время, снова занемогъ разстройствомъ желудка, болѣзною, противъ которой медицинскія пособія Франкфурта оказывались безсильными. Докторъ, лечившій Вольфганга, былъ въ то же время и алхимикъ. Рассказывали по секрету, что у него было удивительное лекарство отъ всѣхъ болѣзней, какая-то соль, къ которой слѣдовало прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Фрау Ая, опасаясь за жизнь своего сына, молила доктора употребить въ дѣло таинственную соль. Докторъ сначала не соглашался, но усилен-

ныя просьбы матери побѣдили его упорство: онъ далъ больному пріемъ чудотворнаго лекарства, и больной дѣйствительно выздоровѣлъ. Послѣ такого удачнаго случая, Гёте принялся изучать алхимию: загромоздилъ свою комнатку кубами и ретортами, прочиталъ сочиненія знаменитѣйшихъ алхимиковъ, безпрестанно дѣлалъ опыты и долгое время не покидалъ надежды отыскать «философскій камень». Труды эти были приготовленіемъ къ *Фаусту*, величайшему произведенію нашего поэта.

Алхимія, поэзія и живопись, любимыя занятія Вольфганга, не могли спасти его отъ страшной скуки, которую онъ испытывалъ въ родномъ городѣ. Мертвенное однообразіе франкфуртской жизни томило пылкаго юношу. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ случая вырваться оттуда и ждалъ недолго. Въ началѣ 1770 г. старикъ Гёте, рѣшивъ, что здоровье сына поправилось достаточно и что юриспруденціей онъ можетъ теперь заняться съ успѣхомъ, — отправилъ его въ Страсбургскій университетъ.

II.

Гёте пріѣхалъ въ Страсбургъ 2 апрѣля 1770 года, съ небольшимъ двадцати лѣтъ, въ полномъ блескѣ юношеской красоты. Онъ былъ необычно-

венно хорошъ собою, такъ что друзья и знакомые не шутя называли его Аполлономъ Бельведерскимъ. И дѣйствительно, черты лица Гёте напоминаютъ собою изящныя линіи античныхъ статуй. Портреты и бюсты его весьма слабо передаютъ то, что особенно поражало въ его наружности: они представляютъ только очертанія, но не передаютъ выраженія, игры его лица; да и въ простыхъ очертаніяхъ они не совсѣмъ точны. Высокій лобъ, большіе черные съ блескомъ глаза, прямой, изящно очерченный носъ, умѣренный ротъ съ красиво обрисованными линіями губъ, подбородокъ, строго пропорціональныя челюсти и прекрасная мускулистая шея, — всѣ эти подробности соединялись въ лицѣ Гёте въ одно гармоническое и необыкновенно выразительное цѣлое. Роста онъ былъ не много выше средняго, но казался высокимъ, потому что всегда держался прямо и величаво.

По приѣздѣ въ Страсбургъ, онъ тотчасъ посѣщилъ осмотрѣть знаменитый соборъ и пришелъ въ несказанный восторгъ, увидѣвши передъ собою этотъ великолѣпный памятникъ древне-германскаго зодчества. Съ теченіемъ времени впечатлѣніе, произведенное на Гёте Страсбургскимъ соборомъ, изгладилось; но вначалѣ поэтъ нашъ увлекся до того, что принялся ревностно изучать жизнь сред-

нихъ вѣковъ и написалъ восторженный трактатъ о нѣмецкой архитектурѣ.

Осмотрѣвши соборъ, онъ занялся устройствомъ своего положенія въ Страсбургѣ: нанялъ маленькую, но уютную квартиру, побывалъ у тѣхъ лицъ, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма, отыскалъ, по указанію одного изъ своихъ знакомыхъ, содержательницу *table d'hôte*'а и условился съ нею въ цѣнѣ обѣдовъ за общимъ столомъ, за которымъ постоянно собиралось человѣкъ десять, большею частью студентовъ медицинскаго факультета. Предсѣдателемъ этого общества былъ пожилой холостякъ, докторъ Зальцманъ, человѣкъ весьма образованный, веселаго нрава, любезный и вѣжливый до щепетильности. Онъ скоро подружился съ Вольфгангомъ, далъ ему нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и пріискалъ для него прекраснаго репетитора по части законовѣдѣнія. Сначала дѣло пошло недурно: Гёте, въ угоду своему отцу, прилежно занялся юриспруденціей; но наука эта была рѣшительно противна ему и нагоняла на него скуку смертную. Онъ мало успѣвалъ въ ней; за то поразительно много работалъ надъ тѣмъ, къ чему чувствовалъ влеченіе. Анатомія, химія, физика, литература и философія были ему по душѣ, и потому въ изученіи ихъ онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи. Также успѣшно занимался онъ архитектурой, преимуще-

ственно средневѣковой, которую изучалъ и по книгамъ, и на практикѣ, по уцѣлѣвшимъ памятникамъ гостического стиля. Главнымъ руководствомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ, разумѣется, Страсбургскій соборъ. Слѣдующій случай показываетъ, какъ основательно изучалъ Гёте то, что его занимало. Однажды онъ былъ въ гостяхъ на дачѣ, откуда взоръ ясно различалъ фасадъ и башню собора. «Какъ жаль,» замѣтилъ одинъ изъ товарищей Вольфганга, «что соборъ не конченъ, и что на немъ построена только одна башня.» — «Миѣ,» подхватилъ Гёте, «точно также жаль, что и единственная башня недостроена. Четыре завитка ея прерываются слишкомъ неожиданно: ясно, что надъ ними должны были возвышаться четыре шпиля, да кромѣ того одинъ высокій шпиль долженъ былъ находиться по срединѣ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ крестъ.» Услышавши эти слова, одинъ изъ гостей обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто вамъ сказалъ это?» — «Сама башня,» отвѣчалъ Гёте, «я изучалъ ее такъ долго, такъ внимательно и съ такою любовью, что она наконецъ посвятила меня въ эту открытую тайну.» — «И не обманула,» сказалъ собесѣдникъ, «я знаю это положительно, потому что служу въ управленіи публичныхъ зданій. У насъ въ архивѣ до сихъ поръ хранится перво-

начальный планъ собора, и онъ-то вполне подтверждаетъ вашу догадку.»

Среди многостороннихъ научныхъ занятій героя нашъ не забывалъ житейскихъ удовольстій и вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Зальцманомъ, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ Страсбурга. Зальцманъ ввелъ его во многіе семейные дома и тѣмъ успѣлъ, гораздо больше, чѣмъ всѣми своими совѣтами, укротить въ молодомъ студентѣ размахистыя проявленія разгула. Гёте сталъ часто бывать въ обществѣ, а это заставило его выучиться тому умѣнью держать себя, котораго прежде ему не доставало, и котораго такъ повелительно требуетъ общество. Боязнь прослыть чудакомъ принудила его быть осмотрительнѣе въ словахъ и дѣйствіяхъ. Онъ началъ строго слѣдить за собою, обращая вниманіе даже на мелочи. Такъ въ одно прекрасное утро призвалъ онъ парикмахера и велѣлъ къ своимъ великолѣпнымъ волосамъ подвязать модную косичку, въ слѣдствіе чего принужденъ былъ каждый день съ ранняго утра заниматься своимъ туалетомъ, пудриться, не накрывать головы и воздерживаться отъ сильныхъ движеній, чтобъ не вспотѣть и не обнаружить поддѣльнаго украшенія. «Такое принужденіе,» говоритъ онъ, «много содѣйствовало къ тому, что я на нѣкоторое время сталъ спокойнѣе и вѣжливѣе

въ обращеніи. Я привыкъ къ башмакамъ и чулкамъ, привыкъ и шляпу носить подъ мышкой; впрочемъ никогда не забывалъ надѣвать тонкіе кожаные подчулочники въ защиту отъ рейнскихъ комаровъ.» Съ качествами ловкаго кавалера онъ соединялъ славу отличнаго наѣздника и мастера драться на шпагахъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ имѣлъ постоянную практику съ своими товарищами студентами. Сверхъ всего этого, побуждаемый неугомоннымъ влеченіемъ испытывать на себѣ все, что занимало его друзей, онъ началъ учиться играть на віолончели.

Хотя его здоровье, по видимому, достаточно поправилось, но онъ и въ Страсбургѣ не переставалъ страдать отъ чрезвычайной раздражительности нервовъ. Громкіе звуки были для него почти невыносимы; видъ всего нездороваго возбуждалъ въ немъ болѣзненное отвращеніе. Особенно мучило его головокруженіе, овладѣвавшее имъ каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ внизъ съ высоты. Всѣ эти недостатки были ему до крайности неприятны, и онъ рѣшился во что бы ни стало отдѣлаться отъ нихъ. По вечерамъ, когда на гауптвахтѣ начинали бить зорю, онъ подходилъ вплотъ къ барабанамъ и слушалъ ихъ оглушительную дробь, отъ которой, по собственнымъ его словамъ, сердце, казалось, порвется въ груди. Кромѣ того, онъ ча-

сто взбирался на самую верхушку соборной башни и, отдохнувши немного под сводами верхняго яруса, смѣло выходилъ на открытую квадратную площадку, откуда взорамъ представлялась безграничная даль и люди величиною съ мухъ. Этими упражненіями онъ укрѣпилъ свои нервы до того, что совершенно пересталъ испытывать прежнія тягостныя ощущенія. Такая побѣда надъ самимъ собою оказалась въ послѣдствіи чрезвычайно полезной ему въ геологическихъ изслѣдованіяхъ, для производства которыхъ онъ долженъ былъ иногда всходить на высокія горы. Анатомія въ свою очередь приносила ему двойную пользу: она приучала его хладнокровно глядѣть на самые отвратительные предметы и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяла его жаждѣ знанія. Мало по малу онъ дошелъ до того, что никакое отталкивающее зрѣлище не могло уже смутить его самообладанія.

Изъ множества вліяній, которымъ подвергался воспріимчивый юноша-Гёте, слѣдуетъ особенно замѣтить его знакомство съ знаменитымъ нѣмецкимъ писателемъ Гердеромъ, пріѣзжавшимъ въ Страсбургъ лечиться отъ глазной боли. Гёте, очарованный его умомъ, искренно привязался къ нему, заботливо ухаживалъ за нимъ во время операціи, которую дѣлали Гердеру, проводилъ цѣлые дни у его постели и жадно слушать его рассказы, какъ

слушаетъ ученикъ любимаго учителя. Главнымъ предметомъ этихъ разсказовъ была поэзія. Гердеръ охотно и много говорилъ о поэтическихъ достоинствахъ Библіи и первый ясно доказалъ своему молодому другу ту истину, что поэзія всегда бываетъ произведеніемъ народнаго генія, а не исключительнымъ достояніемъ образованнаго меньшинства. Отъ еврейской поэзіи онъ обратилъ вниманіе Гёте на другія созданія народнаго вымысла и тутъ выше всего ставилъ Гомера и Оссіана. Въ это именно время оссіановскія пѣсни начинали приобрѣтать громкую славу въ Европѣ, повсюду встрѣчая горячихъ поклонниковъ. Гёте тоже увлекся туманной поэзіей сѣвернаго барда, такъ что перевелъ одну изъ его пѣсней, которую и включилъ въ послѣдствіи въ *Вертера*.

Гомеръ, Оссіанъ и въ особенности Шекспиръ скоро сдѣлались настольными книгами Вольфганга. Они открыли ему глаза на истинное значеніе искусства и внушили ему рѣшительное презрѣніе къ французскому псевдо-классицизму. Подъ вліяніемъ Шекспира, онъ задумалъ планъ драмы, героемъ которой избралъ одного изъ послѣднихъ представителей феодальныхъ бароновъ, знаменитаго бургграфа XVI столѣтія, Гётца фонъ Берлихингена. Въ то же время стала зарождаться у него идея *Фауста*. Старинная легенда объ этомъ чародѣѣ,

продавшемъ душу свою чорту, сильно привлекала нашего поэта. «Сказка о Фаустѣ,» говорить онъ, «звучала во мнѣ различными голосами. И я, подобно ему, бродилъ во всѣхъ областяхъ знанія, но тоже убѣдился только въ ничтожествѣ человѣческой мудрости; и я пыталъ жизнь всевозможными способами, но и жизнь меня не удовлетворяла.»

Между тѣмъ наступила пора окончательныхъ экзаменовъ. Гёте, не желая тратить времени на трудъ, къ которому не чувствовалъ никакого расположенія, рѣшился, по совѣту друзей, не писать диссертациі на степень доктора правъ, и хотѣлъ ограничиться простыми тезисами для предстоявшаго диспута; но отецъ его, узнавши объ этомъ намѣреніи, пришелъ въ негодованіе и велѣлъ ему непременно написать диссертацию. Зная хорошо суровый нравъ старика, Вольфгангъ счелъ нужнымъ покориться, написалъ свое разсужденіе по латыни и одинъ экземпляръ послалъ отцу, а другой представилъ декану юридическаго факультета. Но деканъ, неизвѣстно почему, забраковалъ диссертацию, и Гёте получилъ дозволеніе избрать тезисы для диспута. 6 августа 1771 г. товарищи поздравили его докторомъ правъ, а въ концѣ того же мѣсяца онъ воротился въ Франкфуртъ.

Ученая степень не сдѣлала его солиднѣе прежняго. Онъ вернулся домой такимъ же отчаяннымъ

буршемъ, какимъ былъ и въ университетѣ, съ прежнею склонностью къ дикимъ выходкамъ, за которыхъ товарищи-студенты называли его «медвѣдемъ» и «волкомъ.» Степенному, формальному софистику, отцу Гёте, сильно не нравился размахистый характеръ сына; за то, съ другой стороны, успѣхи молодого доктора правъ несказанно радовали родительское сердце. Различныя стихотворенія, рисунки, въ особенности же ученые статьи и замѣтки, накопившіяся въ портфель Вольфганга, были очень и очень пріятны суровому старику. Онъ принялся заботливо приводить ихъ въ порядокъ, надѣясь скоро увидѣть сыновнія произведенія напечатанными. Надежда его исполнилась, только не скоро: Вольфгангъ питалъ отвращеніе къ печатанію своихъ сочиненій и долго не могъ побѣдить въ себѣ этого чувства. У него былъ небольшой кружокъ литературныхъ друзей, которымъ онъ сообщалъ свои произведенія, и этихъ цѣнителей для него было достаточно. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ Іоганнъ Гейнрихъ Меркъ, занимающій въ исторіи нѣмецкой литературы почетное мѣсто, какъ талантливый критикъ и какъ человекъ, имѣвшій сильное вліяніе на большинство тогдашнихъ нѣмецкихъ писателей. По его совѣту, Шлоссеръ предпринялъ въ 1772 году изданіе «Франкфуртскихъ Ученыхъ Вѣдомостей», журнала

къ которому примкнули главнѣйшіе дѣятели періода *Бурныхъ стремленій* (1). Меркъ былъ постояннымъ и достойнымъ сотрудникомъ этого изданія. Онъ горячо любилъ Гёте и высоко цѣнилъ въ немъ поэтической геній, какъ видно изъ критическихъ статей его, написанныхъ по поводу различныхъ произведеній нашего поэта.

«Франкфуртскія Вѣдомости» сблизили Гёте со многими талантливыми людьми и доставили ему возможность испытать свои силы въ дѣлѣ критики. Въ собраніи его сочиненій помѣщены тридцать пять статей, написанныхъ имъ для этого журнала. Критическая дѣятельность однако не мѣшала ему предаваться съ прежнимъ усердіемъ изученію библіи и готическаго искусства: сверхъ этихъ трудовъ онъ находилъ еще достаточно времени, чтобъ заниматься верховой ѣздой, фехтованьемъ и катаньемъ на конькахъ, сдѣлавшимся его любимой забавой. Но среди забавъ, развлеченій, разнаго рода дѣловыхъ и другихъ занятій, одна идея преимущественно занимала нашего поэта: это — идея драматическаго воспроизведенія личности Гётца фонъ Берлихингена. «По мѣрѣ того,» говоритъ

(1) Sturm-und Drangperiode. Такъ называется въ исторіи нѣмецкой литературы время самой ожесточенной борьбы романтизма съ псевдо-классицизмомъ.

Гёте въ своей автобіографіи, «какъ мысль моя созрѣвала, я обстоятельно толковалъ о ней съ моей сестрою, принимавшей искреннее участіе во всѣхъ моихъ планахъ; толковалъ такъ часто, не приступая однако къ самой работѣ, что сестра наконецъ стала нетерпѣливо и настойчиво просить меня не ограничиваться одними толками, а разъ навсегда перенести на бумагу то, что такъ ясно представлялось моему уму. Просьбы сестры рѣшились дѣло. Однажды утромъ я принялся за работу, не составивши напередъ ни программы, ни плана драмы, написалъ первыя сцены, а вечеромъ прочелъ ихъ Корнелии. Она одобрила мой трудъ, но усомнилась, буду ли я продолжать такъ, какъ началъ; даже выразила рѣшительное недовѣріе къ моему постоянству. Это еще больше подстрекнуло меня. На другой день я опять сѣлъ за работу, на третій — тоже; короче, съ каждымъ днемъ сомнѣнія сестры разсѣивались больше и больше. Шагъ за шагомъ оживало мое произведеніе, по мѣрѣ того какъ я овладѣвалъ основной идеей. Такъ продолжалъ я подвигаться впередъ безъ усталы, безъ остановки, не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ, и черезъ шесть недѣль трудъ мой былъ конченъ.» Это было въ Ноябрьѣ 1711 г.

Въ слѣдующемъ году весною Гёте поѣхалъ въ

Ветцларъ приучаться въ тамошнемъ рейхскамергерихтѣ ⁽¹⁾ къ судебной практикѣ. Поѣхалъ онъ, разумѣется, не по собственному желанію, а по приказанію отца, который все еще не покидалъ надежды сдѣлать сына своего законникомъ. По пріѣздѣ въ Ветцларъ, Гёте засталъ тамъ кружокъ веселой молодежи, соединившейся, подобно рыцарямъ Круглаго Стола, въ дружеское общество, члены котораго носили каждый особое прозвище. Основателемъ этого союза былъ секретарь брауншвейгскаго посольства, Фонъ Гуэ, человекъ странный, съ причудами, но далеко неглупый. Онъ принялъ Гёте въ свой кружокъ и окрестилъ его прозваніемъ Гётца Пряמודушнаго.

Гёте сначала принималъ живое участіе въ этомъ обществѣ, но вскорѣ оно ему надоѣло, потому что интересы этого кружка были слишкомъ мелки и не представляли ничего интереснаго для нашего поэта. «Я» говоритъ онъ устами Вертера, «свелъ много знакомствъ, но не нашелъ общества. Не понимаю, что во мнѣ привлекательнаго, что люди такъ усердно стараются знакомиться со мною. Они льнутъ ко мнѣ, хотя я и двухъ шаговъ не могу сдѣлать по одной съ ними дорогѣ.»

(1) Высшее судебное мѣсто, въ родѣ сената.

Несравненно важнѣе было его знакомство съ Шарлоттой Буффъ, въ которую онъ страстно влюбился. Лоттхенъ была прелестное существо: тихая, веселая, чистосердечная дѣвушка и прекрасная хозяйка. За два года до прїѣзда Гёте въ Ветцларъ, она лишилась матери и, какъ старшая въ семьѣ, должна была принять на себя всѣ хлопоты по хозяйству и заботы о младшихъ своихъ братьяхъ и сестрахъ. Ей было тогда всего шестнадцать лѣтъ; но ея природный умъ, хозяйственный тактъ и непоколебимое терпѣніе преодолѣли всѣ трудности и сдѣлали изъ нея отличную хозяйку. Два года уже была она невѣстой молодаго секретаря ганOVERскаго по, сольства, Кестнера, съ которымъ Гёте искренно подружился, найдя въ немъ умнаго, образованнаго и въ полномъ смыслѣ благороднаго человѣка. Кестнеръ зналъ, что Гёте влюбленъ въ Шарлотту, но никогда не ревновалъ его, ибо твердо былъ увѣренъ, что ни другъ, ни невѣста не измѣнятъ ему. Онъ не ошибся: Гёте, узнавши покороче Лоттхенъ-совершенно отказался отъ надежды сдѣлаться ея обладателемъ; но подавить свою страсть онъ не могъ, это было свѣше его силъ. Видѣтъ Лоттхенъ, слушать звуки ея голоса, дышать однимъ съ нею воздухомъ, сдѣлалось необходимою для него потребностью. Дня не проходило, чтобъ онъ не побывалъ въ милой ему семьѣ. Маленькіе братья и

сестры Шарлотты всегда радовались его приходу какъ празднику, потому что онъ былъ необыкновенно ласковъ съ ними и умѣлъ мастерски забавлять ихъ. Онъ вообще любилъ дѣтей, а братья и сестры Лотте были ему вдвойнѣ дороги. Когда онъ являлся, они совершенно овладѣвали имъ, взбирались къ нему на плечи и заставляли его рассказывать «хорошенькія сказки».

Не будучи въ состояніи бороться долѣе съ несчастной страстью, которая все болѣе и болѣе усиливалась, онъ рѣшился оставить Ветцларъ и воспользоваться предложеніемъ Мерка, приглашавшаго его въ Кобленцъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда отправиться вмѣстѣ въ поѣздку по Рейну. Ни Кестнеръ, ни Шарлотта, ничего не знали объ этомъ намѣреніи. Гёте не предупреждалъ ихъ и, покидая Ветцларъ, даже не простился съ ними, потому что боялся драматическихъ сценъ при личномъ прощаніи съ Лоттхенъ. Друзьямъ онъ оставилъ письма, вещи свои заранѣе отправилъ въ Кобленцъ, а самъ, утромъ 11 сентября 1772 года, вышелъ изъ Ветцлара и направилъ путь свой внизъ по теченію Лана. Живописные берега этой рѣки привели его въ восторгъ и значительно ослабили въ немъ сердечную тоску. Почти на каждомъ шагу глазамъ его представлялись то холмы, покрытые виноградниками, то долины, одѣтыя лиловымъ ту-

маномъ, то величавые замки, которые такъ и просились на бумагу. Давнишняя страсть къ живописи пробудилась въ душѣ нашего путника и овладѣла имъ такъ, что онъ вздумалъ разъ навсегда рѣшить вопросъ: быть или не быть живописцемъ? Способъ рѣшенія этой задачи былъ довольно оригиналенъ. У ногъ Гёте протекала рѣка, мѣстами сверкавшая на солнцѣ перекатнымъ золотомъ, мѣстами исчезающая за густыми вѣтвями плакучихъ ивъ. Гёте вынулъ изъ кармана дорожный ножикъ и бросилъ его вверхъ надъ рѣкой, загадавши такимъ образомъ: если увижу паденіе ножа — сдѣлаюсь живописцемъ; если же ножъ, падая, скроется за ивами — проку въ живописи изъ меня не будетъ. Ни одинъ древній оракуль не давалъ отвѣта болѣе загадочнаго: ножъ скрылся за ивами, но Гёте ясно видѣлъ, какъ вода въ рѣкѣ брызнула вверхъ фонтаномъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ дошелъ до Эмса, откуда уже спустился по рѣкѣ въ лодкѣ. Видъ могучаго Рейна съ картинными берегами наполнилъ душу поэта восторгомъ и запечатлѣлся въ его памяти такъ сильно, что Гёте даже подъ старость вспоминалъ о рейнскихъ видахъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Изъ Кобленца онъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ Меркомъ и его семействомъ, вверхъ по Рейну и, насладившись видами Рейнфельса, С-тъ Гоа-

ра, Бахараха, Бингена, Эльфельда и Бибериха, вернулся въ Франкфуртъ, гдѣ занялся практическимъ судопроизводствомъ, литературой и живописью, въ особенности голландской.

Юридической практикой онъ сталъ заниматься усерднѣе прежняго. Отецъ его, видя, что онъ взялся за *дѣло*, радовался такому похвальному прилежанію и снисходительно глядѣлъ на прочія занятія «этого», какъ онъ выражался, «страннаго созданія.» Тогдашняя литературная дѣятельность Гёте выражалась — съ одной стороны, безчисленными планами будущихъ произведеній, съ другой — постояннымъ сотрудничествомъ въ «Франкфуртскихъ Вѣдомостяхъ», куда онъ не переставалъ доставлять статьи по части поэзій, богословія и даже политики; но главнымъ его трудомъ все еще былъ *Гётцъ фонъ Берлихингенъ*. Перечитывая свою рукопись, онъ нашелъ въ ней много недостатковъ, тотчасъ же рѣшился передѣлать всю пьесу и принялся за работу съ такимъ усердіемъ, что черезъ нѣсколько недѣль новая редація драмы была совершенно окончена. Онъ вовсе не имѣлъ намѣренія печатать эту передѣлку, на которую глядѣлъ просто какъ на предварительный этюдъ будущаго, болѣе обдуманнаго и болѣе обработаннаго произведенія; но Меркъ предложилъ ему издать *Гётца* на половинныхъ издержкахъ, убѣдительно дока-

затъ выгодность такого предпріятія, и Гёте согласился.

Весною 1773 года *Гётцъ* вышелъ въ свѣтъ. Публика встрѣтила его единодушнымъ одобреніемъ. Смѣлая, вольная рѣчь, свободное творчество, не скованное псевдо-классическими французскими теоріями, оригинальность и мощь въ исполненіи — всѣ эти качества Гётевой драмы доставили ей громадный, торжественный успѣхъ въ цѣлой Германіи. Отъ салоновъ до пивныхъ лавочекъ, всюду раздавались громкія похвалы двадцатитрехлѣтнему автору и его мастерскому произведенію. Подражанія *Гётцу* стали являться одно за другимъ; словомъ, съ легкой руки Гёте средніе вѣка и рыцари сдѣлались моднымъ конькомъ почти всѣхъ тогдашнихъ драматурговъ и романистовъ.

Литературные труды и разлука съ Шарлоттой мало по малу залечили сердечную рану поэта; но вначалѣ онъ сильно грустилъ и даже подумывалъ о самоубійствѣ. «У меня,» говоритъ онъ, «была прекрасная коллекція различнаго оружія и въ томъ числѣ отлично-натовченный кинжалъ. Каждую ночь, ложась въ постель, я снималъ его со стѣны и прежде, чѣмъ погасить свѣчу, пробовалъ вонзить себѣ остріе въ грудь на нѣсколько дюймовъ. Попытки однако не удавались мнѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что я въ одну прекрасную ночь расхохотался надъ

самимъ собою, отбросилъ въ сторону всѣ хондрическія затѣи и рѣшилъ остаться въ живыхъ.»

Вскорѣ пришло извѣстіе о томъ, что Шарлотта сдѣлалась законной супругой Кестнера. Гёте вздохнулъ и утѣшился; но вслѣдъ за однимъ постигло его другое горе: разлука съ Меркомъ, уѣхавшимъ въ Петербургъ, и съ любимой сестрой, вышедшей замужъ за Шлоссера. Тѣмъ сильнѣе принялся онъ трудиться, потому что литературные труды почти всегда служили ему лучшимъ утѣшеніемъ въ горѣ. Задумавши написать драму изъ жизни Магомета, онъ составилъ подробный планъ ея, къ сожалѣнію неосуществившійся, внимательно изучилъ коранъ и написалъ нѣсколько вводныхъ пѣсней, изъ которыхъ уцѣлала только одна, помѣщенная въ полномъ собраніи его сочиненій подъ заглавіемъ *Пѣснь Магомета (Mahomet's Gesang)*. Другимъ его произведеніемъ, относящимся къ тому же времени, была сатирическая шутка *Боги, Герои и Виландъ (Götter, Helden und Wieland)*, написанная въ одинъ присѣсть и напечатанная въ Страсбургѣ весною 1774 года. Въ ней Гёте осмѣялъ знаменитаго нѣмецкаго поэта Виланда за то, что тотъ, подъ вліяніемъ французскаго вкуса, изображалъ боговъ и героев древне-языческаго міра какими-то птиметрами, въ родѣ версальскихъ придворныхъ.

11 февраля 1774 года Гёте совершенно нежи-

данно получилъ приглашеніе явиться къ Карлу Августу, наследному Саксенъ-Веймарскому принцу, проѣзжавшему черезъ Франкфуртъ въ Майнцъ и выразившему желаніе познакомиться съ авторомъ *Гётца*. Поэтъ нашъ успѣшилъ воспользоваться такимъ лестнымъ приглашеніемъ и успѣлъ чрезвычайно понравиться молодому принцу. Карлъ Августъ былъ до того имъ очарованъ, что предложилъ ему вмѣстѣ отобѣдать, и на прощанье взялъ съ него слово непременно пріѣхать въ Майнцъ, что Гёте и сдѣлалъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ имъ въ обществѣ принца, положили прочное начало его сближенію съ Карломъ Августомъ, сближенію, игравшему такую важную роль во всей послѣдующей жизни Гёте.

Въ маѣ того же года пришло извѣстіе, что Лоттхенъ родила сына, и что первенецъ ея будетъ названъ въ честь поэта Вольфгангомъ. Спустя мѣсяць, Гёте писалъ ей: «Я скоро пришлю вамъ друга, очень похожаго на меня. Надѣюсь, вы его хорошо примете. Его зовутъ Вертеромъ; онъ и прежде и теперь... впрочемъ это онъ самъ объяснитъ.»

Знаменитый романъ *Страданія молодого Вертера* (*Leiden des jungen Werther*) былъ написанъ удивительно быстро: «Я» говоритъ Гёте, «совершенно уединился, даже съ друзьями пересталъ

видѣться и на время отложилъ все, что не имѣло прямого отношенія къ моей задачѣ. При такой обстановкѣ, послѣ многихъ и долгихъ приготовленій, сдѣланныхъ втайнѣ, я написалъ *Вертера* въ четыре недѣли.»

Ничто не можетъ быть проще этого романа, основою котораго были: личный опытъ автора и несчастная судьба одного изъ его друзей, молодого нѣмецкаго писателя Ерузалема, застрѣлившагося отъ неудачной любви и неудовлетвореннаго честолюбія. Дѣло вотъ въ чемъ: нравственно-больной Вертеръ, путешествуя для развлечения, пріѣзжаетъ въ какой-то городокъ съ необыкновенно живописными окрестностями и остается тамъ въ надеждѣ отдохнуть и освѣжиться на лонѣ природы. Дѣйствительно, мало по малу онъ начинаетъ успокаиваться, оживляться и, воображая себя исцѣленнымъ, преждевременно наслаждается совершеннымъ счастьемъ. Онъ живописецъ и поэтъ. За городомъ ему нравится особенно одно мѣстечко подъ липами, куда онъ ходитъ, съ кистью и Гомеромъ въ рукахъ, читать и мечтать по цѣлымъ часамъ. Въ эту ясную пору душевнаго покоя встрѣчается онъ съ Шарлоттой и страстно въ нее влюбляется: но Шарлотта невѣста другаго. Вертеръ старается физическими трудами подавить въ себѣ роковую страсть, но попытки остаются безуспѣшными: то

надежда, то отчаяніе попеременно волнуютъ несчастнаго юношу. Между тѣмъ наступаетъ зима, а съ ней и разлука съ Шарлоттой. Вертеръ уѣзжаетъ, получивши мѣсто при посланникѣ Н., и вступаетъ въ новыя отношенія къ обществу; но общество становится ему противно. Его честолюбіе не можетъ вынести однообразія и пустоты оффиціальной жизни; надменность аристократіи оскорбляетъ въ немъ чувство личнаго превосходства. Онъ возвращается въ мирный уголокъ, гдѣ наслаждался когда-то, снова находить Шарлотту, дѣтей, любимые лѣса и мѣста прогулокъ, не можетъ только найти желаннаго покоя. Безнадежная тоска подавляетъ его. Люди ему опротивѣли, страсть его не удовлетворена, онъ страдаетъ — и пистолетной пулей прекращаетъ свои страданія.

Трудно себѣ представить теперь, какое страшное впечатлѣніе произвелъ этотъ романъ на тогдашнюю публику. Лица всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ жадно читали и увлекались этою книгой, гласно выразившей недовольство жизнью, общее всѣмъ мыслящимъ людямъ тогдашней эпохи. *Вертеръ* сдѣлался настольной книгой Наполеона въ Египтѣ; слухъ о немъ проникъ даже въ Китай. Въ доказательство его популярности достаточно замѣтить, что въ Германіи его продавали на улицахъ въ дешевыхъ изданіяхъ — честь, которой

удостоиваются только немногія сочиненія; а въ Поднебесной имперіи стали появляться фарфоровыя куколки, изображавшія Шарлотту и Вертера.

Поклонники *Вертера* иногда выражали свой восторгъ довольно оригинально. Такъ, однажды какой-то Англичанинъ, явившись къ Гёте, встрѣтилъ его на лѣстницѣ слѣдующей рѣчью: «Вы должно быть авторъ *Вертера*! За недосугомъ, я не стану повторять вамъ того, что, вѣроятно, вы слышали отъ тысячи тысячъ. Въ сущности ваше произведеніе не произвело на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на другихъ; но когда подумаю, чего стоило написать подобную книгу, тогда просто теряюсь отъ удивленія.» Затѣмъ онъ пожелалъ поэту счастливо оставаться, а самъ почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Гётцъ и *Вертеръ* положили прочное основаніе литературной славы Гёте. Всѣ тогдашнія знаменитости, — изъ нихъ мы назовемъ: поэта Клопштока, фیزیонюриста Лафатера, педагога Базедова и философа Якоби, — наперерывъ спѣшили знакомиться съ геніяльнымъ юношей, имя котораго такъ быстро приобрѣло популярность въ цѣлой Германіи. Но быстрый успѣхъ не вскружилъ головы Гёте, не породилъ въ немъ самонадѣянности. Поэтъ нашъ сознавалъ себя еще незрѣлымъ для капитальныхъ произведеній и потому, не гоняясь за

новыми лаврами, занялся преимущественно дальнѣйшимъ развитіемъ своего ума помощью науки. Съ этою цѣлью онъ сталъ горячо изучать философію, и въ Спинозѣ нашелъ отвѣтъ на многіе вопросы, смутно до тѣхъ поръ тревожившіе его душу. Впрочемъ, не приступая къ серьезнымъ литературнымъ трудамъ, онъ отнюдь не покидалъ поэзіи; напротивъ, сочинялъ даже много, только все вещи неважнаго достоинства, за исключеніемъ однако превосходнаго отрывка, подъ заглавіемъ *Прометей*, и великолѣпнаго плана эпической поэмы о Вѣчномъ Жидѣ. Обыкновенно поэзіи и другимъ любимымъ занятіямъ посвящалъ онъ утро; днемъ же занимался юридическими дѣлами.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Франкфуртѣ онъ влюбился въ шестнадцатилѣтнюю дочь богатаго тамошняго банкира, Анну Елизавету Шёнemannъ, которая въ его автобіографіи названа именемъ Лили. Прелестная и кокетливая Лили скоро вписала поэта въ число своихъ обожателей, но и сама недолго противилась его обаянію и влюбилась въ него чуть ли даже не сильнѣе, чѣмъ онъ въ нее. Родные однако глядѣли не совсѣмъ благосклонно на влюбленную чету. Женитьба Гёте на Лили не могла быть пріятной ни тому, ни другому семейству. Дочь банкира, по мнѣнію ея родственниковъ, должна бы

ла выйти замужъ не иначе, какъ за богача или за аристократа; а Гёте не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Въ свою очередь гордый, суровый отецъ поэта далеко не радовался при мысли, что невѣсткой его будетъ барышня-бѣлоручка. Сестра и друзья Гёте тоже возставали противъ такого неравнаго брака; но всѣ ихъ попытки разлучить влюбленныхъ долго оставались безъ всякаго успѣха.

Нѣкая фрейлейнъ Дельфъ вызвалась быть свахой и во что бы ни стало получить согласіе на бракъ отъ обоихъ семействъ. «Какъ она начала», говоритъ Гёте, «и какъ уладила дѣло, не знаю; довольно того, что разъ вечеромъ она пришла къ намъ и объявила, что родители наши согласны.» Полученное такимъ образомъ согласіе нисколько не измѣнило дѣла. Родные и друзья жениха и невѣсты по прежнему глядѣли неблагосклонно на предстоящую женитьбу. Самъ Гёте не чувствовалъ охоты жениться, а тутъ еще примѣшивалось тяжелое сознаніе неравенства брака. Въ это время пріѣхали въ Франкфуртъ графы Штольберги, оба известные поэты. Они отправлялись въ Швейцарію и предложили ему ѣхать вмѣстѣ. Гёте воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ и согласился на поѣздку тѣмъ охотнѣе, что она давала ему предлогъ освободиться отъ Лили.

Оба Штольберги, съ которыми онъ отправился

въ Швейцарію, были записные поклонники свободы и отъявленные враги всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ, общественными условіями. Они нерѣдко оскорбляли степенныхъ людей нелѣпыми попытками возвратиться къ первобытной простотѣ нравовъ и вычурными понятіями о дружбѣ и любви. Меркъ осмѣивалъ ихъ безпощадно. Его возмущала мысль, что Гёте будетъ путешествовать съ такими *буршами*, но насмѣшки друга не подѣйствовали на Гёте; онъ самъ любилъ иногда подурачиться и въ этомъ отношеніи имѣлъ много общаго съ своими путевыми товарищами. Впрочемъ онъ скоро началъ замѣчать, что ихъ дикія выходки не совсѣмъ ладны. Въ Дармштадтѣ напр. Штольберги затѣяли купаться среди бѣла дня въ открытомъ со всѣхъ сторонъ прудѣ. Какъ истинные «сыны природы», они пренебрегли при этомъ всякими приличіями и стали раздѣваться при публикѣ. Слѣдствіемъ было то, что въ «сыновъ природы» народъ сталъ швырять камнями. Скандаль вышелъ такой, что Гёте настоялъ уѣхать изъ Дармштадта какъ можно скорѣе.

Шаля и дурачась, друзья проводили время чрезвычайно весело: но поѣздка ихъ по Швейцаріи не представляетъ ничего замѣчательнаго. Въ Карлеруэ Гёте представлялся Карлу Августу, вступавшему въ бракъ съ гессенъ-дармштадтской принцес-

сой Луизой и настойчиво приглашавшему поэта въ Веймаръ; тамъ же, въ Карлсруэ, онъ посѣтилъ сестру свою, Корнелию, которая всѣми силами старалась отклонить его отъ женитьбы на Лили. «Я» говорить онъ «не могъ ничего обѣщать ей, хотя долженъ былъ сознаться, что доводы ея убѣдили меня.»

Между тѣмъ родные и друзья Лили, пользуясь отсутствіемъ ея жениха, всячески пытались разстроить непріятный для нихъ бракъ; но Лили оставалась непреклонной и на всѣ убѣжденія отвѣчала, что готова изъ любви къ Гёте отказаться отъ всего и ѣхать съ нимъ хоть на край свѣта. По возвращеніи въ Франкфуртъ, поэтъ нашъ мучился и страдалъ невыразимо: у него не было достаточно твердости, чтобъ отказаться отъ Лили, и не было довольно любви, чтобъ жениться на ней.

Ища утѣшенія въ искусствѣ, онъ сталъ заниматься *Фаустомъ* и началъ писать трагедію *Эмонтъ*, но вскорѣ бросилъ эти труды, потому что они требовали покойнаго состоянія души, а въ его душѣ происходила тогда страшная борьба любви съ разсудкомъ. Мало по малу дѣло подошло къ концу; родные невѣсты, замѣтивши въ женихѣ нерѣшительность, поспѣшили взять назадъ свое согласіе. Гёте снова сдѣлался свободнымъ, но свобода не вознаграждала его за утраченное счастье. Его серд-

не все еще стремилось къ Лили, не потому, чтобъ она была женщиной, способной сдѣлаться подругой его жизни, а потому, что природа его требовала любви.

Къ счастью, томительное состояніе его души продолжалось недолго. Въ сентябрѣ 1775 года проѣзжалъ черезъ Франкфуртъ Карлъ Августъ, возвращавшійся въ Веймаръ съ молодой своею супругой. Гёте увидѣлся съ нимъ и снова получилъ приглашеніе провести нѣсколько недѣль при веймарскомъ дворѣ. Быстро возникшая дружба между герцогомъ и поэтомъ, желаніе увидѣть *большой свѣтъ*, желаніе сверхъ того оставить Франкфуртъ — всѣ эти причины заставили Гёте съ радостью принять приглашеніе. Получивъ согласіе отца, онъ простился съ домашними пенатами и 7 ноября 1775 года пріѣхалъ въ столицу герцогства Саксенъ-Веймарскаго.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ИСКОПАЕМЫЙ УГОЛЬ.

Ископаемый уголь, по влиянію, оказываемому имъ на развитіе промышленной дѣятельности и благосостояніе цѣлыхъ государствъ, безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между минеральными богатствами, которыя благодѣтельная природа скрываетъ въ нѣдрахъ земнаго шара. Только съ помощію этого драгоцѣннаго матеріала возможно было довести многія отрасли промышленности до той высокой степени совершенства, на которой онѣ находятся въ настоящее время. Многочисленные сѣти желѣзныхъ дорогъ, рѣчное и морское пароходство, заводы и фабрики, требуя огромнаго количества горючаго матеріала, истребляютъ лѣса въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ природа не въ состояніи воспроизводить ихъ; поэтому человекъ невольно долженъ былъ прибѣгнуть къ запасамъ ископаемаго топлива, какъ бы нарочно скопленнаго для него предусмотрительною природою.

Ископаемый уголь вошелъ однако же въ употребленіе сравнительно только недавно. Ни у одного

изъ древнихъ писателей не встрѣчается указанія, изъ котораго можно бы было заключить, что его добываніе производилось гдѣ нибудь въ Греціи или Малой Азіи. Китайцы, опередившіе Европейскіе народы во многихъ полезныхъ открытіяхъ, стали, какъ кажется, первые употреблять каменный уголь на топку печей. Извѣстный Венеціанскій путешественникъ Марко Поло, посѣщавшій Китай въ концѣ XIII столѣтія, рассказываетъ между прочимъ, что «въ тамошнихъ горахъ добывается родъ чернаго камня, который, если его положить въ огонь, горитъ какъ дерево и, разгорѣвшись, не потухаетъ очень долго, такъ что, если его зажечь вечеромъ, то онъ прогоритъ въ продолженіе цѣлой ночи. Камни эти,» прибавляетъ онъ, «даютъ, подобно прочему (т. е. древесному) углю, только въ началѣ, когда ихъ зажигаютъ, небольшое пламя, потомъ же, раскалившись, только тлѣютъ и производятъ сильный жаръ.» Въ Европѣ употребленіе каменнаго угля сдѣлалось извѣстнымъ первоначально въ Англіи въ началѣ XIII столѣтія, какъ это доказываетъ сохранившаяся въ архивахъ Ньюкастля королевская привилегія, дававшая гражданамъ этого города право добывать каменный уголь; но потребленіе его было вѣроятно очень ограничено, потому что въ Лондонѣ это топливо появилось не раньше начала XIV столѣтія. Исторія распростра-

ненія каменнаго угля, какъ матеріала для отопленія, представляетъ большое сходство съ исторіей введенія многихъ другихъ полезныхъ открытій и изобрѣтеній; какъ и они, новое топливо встрѣтило многочисленныхъ противниковъ въ лицѣ невѣждъ и слѣпыхъ приверженцевъ стараго порядка вещей, съ которыми приходилось ему нерѣдко выдерживать сильную борьбу. Такъ напр. въ XIII столѣтїи англійскіе законники запретили употреблять каменный уголь, «потому что этотъ горючій матеріалъ принадлежитъ дьяволу и слѣдовательно безбожно и безправственно отнимать у него матеріалъ, которымъ должны быть наказаны души грѣшниковъ.» Благоразумное постановленіе это подкрѣплялось слѣдующимъ аргументомъ: огонь, производимый каменнымъ углемъ, жарче, чѣмъ огонь отъ дровъ, такъ же какъ и адскій огонь жарче земнаго; что этотъ горючій матеріалъ принадлежитъ дѣйствительно нечистой силѣ, доказывалось тѣмъ, что при горѣніи онъ издаетъ сѣрный запахъ, несомнѣнный признакъ присутствія дьявола! Несмотря однако же на всѣ запрещенія и даже жестокія наказанія ослушниковъ, топка углемъ стала входить мало по малу въ употребленіе сперва у кузнецовъ, потомъ у красильныхъ мастеровъ, мыловаровъ и наконецъ у пивоваровъ. Крики противниковъ нововведеній однако же не умолкали. Въ

1316 году Англійскій парламентъ обратился къ королю съ формальною просьбою запретить употребленіе каменнаго угля «какъ вещества чрезвычайно вреднаго, которое способствуетъ распространенію невѣрія и упадку религіозности въ народѣ, приучая его обращаться съ опасными подземными силами, чего не слѣдуетъ допускать въ видахъ общественнаго блага,» и король утвердилъ этотъ законъ. Впрочемъ человѣколюбивое правительство не воспрещало подданнымъ англійскаго короля добывать «дьявольское топливо» для вывоза за границу и извлекать выгоды изъ продажи его иностранцамъ, о спасеніи душъ которыхъ оно не считало себя обязаннымъ заботиться. Вѣроятно, что законы, воспрещавшіе употребленіе каменнаго угля, исполнялись не слишкомъ строго, потому что въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія парламентъ снова долженъ былъ возобновить это запрещеніе, но уже подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ, а именно: «потому что каменно-угольное топливо заражаетъ дымомъ воздухъ.» Между тѣмъ усиливавшаяся съ каждымъ годомъ потребность топлива и возрастающая цѣнность дровъ, въ слѣдствіе увеличенія городовъ и истребленія лѣсовъ, помогли наконецъ одержать верхъ надъ предразсудками и не мало содѣйствовали всеобщему распространенію каменнаго угля. Но собственно на-

чаломъ развитія каменноугольной промышленности должно считать примѣненіе паровой машины Нью-комена къ осушенію копей, часто заливаемыхъ подземною водою. Открытіе новаго сильнаго двигателя быстро подвинуло впередъ разработку каменнаго угля и поставило эту отрасль промышленности на ту степень развитія, на которой она находится въ настоящее время.

Чтобы дать понятіе о громадномъ потребленіи этого матеріала, скажемъ, что въ одной Англійи около 500,000 человекъ рабочихъ заняты разработкою каменнаго угля, котораго они добываютъ ежегодно до 40 милліоновъ тоннъ ⁽¹⁾, цѣною на 11½ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а въ небольшой, но чрезвычайно промышленной странѣ — Бельгіи считается до 50,000 работниковъ, извлекающихъ ежегодно изъ копей около 5½ милліоновъ тоннъ каменнаго угля. Все же количество, добываемое въ Европѣ и соединенныхъ штатахъ Америки далеко превышаетъ 50 милліоновъ тоннъ!

Петребленіе въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, съ каждымъ годомъ увеличивающихся, можетъ внушить опасеніе, что запасы минеральнаго топлива мало по малу истощатся и человѣчество останется

⁽¹⁾ Англійская тонна (ton) равняется 42 кубич. футамъ.

наконецъ безъ горючаго матеріала, составляющаго одно изъ необходимыхъ условій его существованія. Наука устраняетъ однако же это опасеніе, она доказываетъ, что въ одной только Англійи скрыто въ почвѣ двухъ графствъ до 2,000 квадратныхъ миль каменнаго угля, что составляетъ, принимая по 36 милліоновъ тоннъ на одну квадратную милю, около 72,000 милліоновъ тоннъ, которыя въ состояніи обезпечить потребность топлива для этой страны (если предположить, что оно будетъ тратиться въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ въ настоящее время) по крайней мѣрѣ на 2,000 лѣтъ. Пространства, занимаемая каменнымъ углемъ въ сѣверной Америкѣ, еще значительнѣе; Питтсбургскій пластъ простирается на 100 миль въ ширину и 225 въ длину, что составитъ около 14,000 квадратныхъ миль, а мѣсторожденіе угля въ Пенсильваніи, Огіо и Виргиніи занимаетъ площадь въ 60,000 квадратныхъ миль; наконецъ каменноугольные пласты въ штатѣ Иллиноа величиною не многимъ уступаютъ поверхности всей Англійи. Вся же площадь каменноугольныхъ мѣсторожденій въ сѣверной Америкѣ содержитъ около 170,000 англійскихъ квадратныхъ миль, т. е. гораздо болѣе, чѣмъ все пространство, занимаемое ископаемымъ углемъ въ Европѣ, если исключить отсюда Россію, въ почвѣ которой скрыты громадныя, до сего

времени еще почти нетронутые запасы этого горючаго матеріала ⁽¹⁾.

Откуда же взялись, какимъ образомъ накопились такіе огромные запасы угля въ нѣдрахъ земли? Изъ какихъ началъ образовалось это горючее вещество? — Вотъ вопросы, которые невольно рождаются во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ мы можемъ найти въ геологій, наукѣ, занимающейся изслѣдованіемъ образованія нашей планеты и строенія твердой коры земнаго шара, равно какъ и переворотовъ, которымъ она подвергалась въ послѣдствіи. Но прежде, нежели дать отвѣты, необходимо познакомить съ различными видами и минералогическими свойствами ископаемаго угля.

Въ природѣ встрѣчаются слѣдующіе пять видовъ ископаемаго угля: графитъ, антрацитъ, собствен-

(1) Каменный уголь встрѣчается въ Европейской Россіи въ Новгородской, Тверской, Московской, Тульской, Смоленской и Рязанской губерніяхъ, на западномъ восточномъ склонѣ Урала; но богатѣйшіе прииски его находятся въ пространствѣ, лежащемъ между Днѣпромъ и Дономъ, гдѣ онъ занимаетъ площадь не менѣе 24,000 квадратныхъ верстъ. Пласты превосходнаго антрацита въ Землѣ Войска Донскаго имѣютъ мѣстами до 9 футовъ толщины. Кромѣ того найдены мѣсторожденія ископаемаго угля въ Закавказскомъ краѣ, а въ послѣднее время этотъ горючій матеріалъ открытъ даже на Новой Землѣ. Въ нѣдрахъ Сибири скрыты несмѣтные количества ископаемаго топлива, обещающія этой странѣ счастливую будущность.

но каменный уголь, бурый уголь или лигнитъ и торфъ.

1) *Графитъ* (отъ греческаго *γραφο* — пишу). Минераль этотъ черно-сѣраго цвѣта, кристаллическаго сложенія, очень мягокъ и оставляетъ на бумагѣ черту. Это чистый уголь съ случайными примѣсьями самаго небольшого количества желѣза, глинозема, извести и другихъ веществъ. Сравнительно съ прочими видами ископаемаго угля, графитъ встрѣчается только въ маломъ количествѣ и употребляется преимущественно для приготовленія карандашей, огнеупорныхъ (т. е. способныхъ выдерживать, не расплавляясь, самый сильный огонь) тиглей, для смазки чугунныхъ издѣлій, частей машинъ и т. п.

2) *Антрацитъ* (отъ греческаго *ανδραξ* — уголь) минераль цвѣта чернаго или сѣровато-чернаго, съ сильнымъ металлическимъ блескомъ и раковистымъ изломомъ. Антрацитъ тверже графита и плотнѣе обыкновеннаго каменнаго угля, содержитъ во 100 частяхъ около 90 частей чистаго угля. По недостатку смолистыхъ веществъ, онъ возгарается трудно, горитъ безъ пламени и копоти, не спекаясь притомъ въ сплошную массу, производитъ сильный жаръ и оставляетъ по сгараніи очень мало золы. По нагревательной способности онъ превосходитъ обыкновенные дрова почти втрое,

т. е. если однимъ фунтомъ антрацита можно вскипятить до 75 фунтовъ воды, имѣющей температуру 0° , то 1 фунтъ дровъ въ состояніи нагрѣть до степени кипѣнія только около 27 фунтовъ воды. Онъ можетъ быть употребляемъ какъ на заводахъ, пароходахъ и паровозахъ для нагрѣванія паровыхъ котловъ, такъ и для отопленія комнатъ, но, какъ вещество трудно возгорающееся, требуется въ послѣднемъ случаѣ особаго устройства печей съ сильнымъ притокомъ воздуха.

3) *Черный* или собственно *каменный уголь* представляетъ плотную некристаллическую массу чернаго цвѣта, листоватаго, иногда волокнистаго сложенія, съ стекловиднымъ или жирнымъ блескомъ. Во 100 фунтахъ каменнаго угля содержится отъ 74 до 90 и болѣе фунтовъ углерода. Отъ антрацита онъ отличается въ особенности тѣмъ, что постоянно содержитъ смолистыя вещества, отчего разгорается гораздо легче и горитъ, смотря по количеству послѣднихъ, болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ. Количество остающейся золы весьма различно—отъ 1 до 25 процентовъ. Одинъ фунтъ каменнаго угля въ состояніи нагрѣть до степени кипѣнія, смотря по содержанію углерода, отъ 43 до 72 фунтовъ воды, имѣющей температуру въ 0° , слѣдовательно онъ обладаетъ меньшею нагрѣвательною способностію чѣмъ антрацитъ.

Весьма замѣчательно, что почти всѣ каменные угли содержатъ въ себѣ примѣсь сѣраго колчедана (1), попадающагося въ нихъ иногда въ видѣ правильныхъ, блестящихъ кристалловъ. Примѣсь эта служитъ большою помѣхою при техническомъ употребленіи каменнаго угля, потому что при сгараніи образуется сѣрнистая кислота — газъ, портящій металлическія части приборовъ, съ которыми онъ приходитъ въ прикосновеніе. Этотъ же самый минералъ бываетъ нерѣдко причиною самовозгаранія угля, въ особенности если послѣдній не совсѣмъ сухъ. (2)

(1) Сѣрный колчеданъ минералъ золотисто-желтаго цвѣта, состоящій изъ сѣры и желѣза и употребляемый для добыванія желѣзнаго купороса, сѣры, купороснаго масла и пр.

(2) Составныя части колчедана, соединяясь съ кислородомъ воздуха, образуютъ новое соединеніе — желѣзный купоросъ. Во время этого процесса, называемаго химиками окисленіемъ, развивается при благопріятныхъ обстоятельствахъ значительное количество теплоты, отъ чего нерѣдко, если вблизи находятся легко воспламеняющіяся вещества, какъ напр. каменный или бурый уголь, происходятъ подземные пожары, которые могутъ продолжаться цѣлыя столѣтія, если подземный слой горячаго матеріала достаточно великъ и атмосферный воздухъ имѣетъ къ нему свободный доступъ. Любопытный примѣръ такого явленія можно видѣть въ Саксоніи, въ каменноугольныхъ коняхъ около Цвиккау, гдѣ подземный пожаръ, по словамъ старинныхъ хроникъ, начался въ 1479 году. Съ тѣхъ поръ огонь идетъ все даље и даље, прорываясь отъ времени до времени наружу и приводя въ ужасъ жителей городка Цвиккау, удаленнаго отъ

Если каменный уголь подвергнуть сухой перегонкѣ, т. е. накаливанию въ закрытыхъ сосудахъ, въ ретортѣ останется, по отдѣленіи газовъ, коксъ (по Англійски *coke*), горящій безъ пламени и во-

копей на разстояніе одного часа ѣзды. Всѣ попытки затушить его прекращеніемъ свободнаго притока воздуха и постройкою подземныхъ стѣнъ, которыя не позволяли бы ему распространяться далѣе, остаются безъ успѣха. Такъ въ началѣ 1854 года огонь снова обошелъ одну изъ этихъ стѣнъ и вырвался наружу чрезъ одно изъ отвѣсныхъ отверстій, такъ называемыхъ шахтъ, устраиваемыхъ въ копяхъ для добыванія угля на поверхность земли. Колоссальный столбъ дыма и водяныхъ паровъ, вмѣстѣ съ которыми вылетало множество раскаленнымъ до красна кусковъ угля, съ трескомъ разсыпавшихся на воздухъ въ тысячи яркихъ искръ, представлялъ зрѣлище, превосходившее великолѣпіемъ самый блестящій фейерверкъ. Сбѣжавшіеся изъ окрестностей жители едва могли послѣ многихъ усилій одержать верхъ надъ разъяренною стихіею, закрывъ, на сколько это было возможно, всѣ отверстія, ведущія въ шахту. Затѣмъ было приступлено къ постройкѣ новыхъ стѣнъ для защиты отъ разрушительнаго дѣйствія огня той части копей, въ которыхъ производится разработка угля. Недавно, по окончаніи главныхъ предохранительныхъ построекъ, попытались снова открыть отверстіе этой шахты; но едва это было исполнено, какъ изъ него вырвался опять столбъ дыма съ такою силою, что вмѣстѣ съ нимъ вылетали на воздухъ и небольшіе камни. О вышиинѣ столба даетъ понятіе слѣдующее обстоятельство: шахта эта находится въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами, за которыми лежатъ на разстояніи часовой ѣзды нѣсколько деревень; жители послѣднихъ предполагая, что въ долинѣ сдѣялся большой пожаръ, поспѣшили привезти туда пожарныя трубы. Трескъ лопавагося подземнаго угля становился все сильнѣе и сильнѣе, такъ что наконецъ вынуждены были.

обще имѣющей большое сходство съ антрацитомъ, относительно химическаго состава. Смотри по тому, производится ли это прокаливаніе въ нарочно-устроенныхъ для этой цѣли печахъ или просто въ кострахъ, употребляемыхъ при обыкновенномъ об-

для отвращенія грозившей опасности, снова закрыть отверстие шахты. Слой песчаника, подъ которымъ залегаетъ горящій пластъ угля, такъ толстъ, что чрезъ него не проникаютъ ни жаръ, ни пары, которые могутъ выходить наружу только въ отверстія или разсѣлины почвы, находящіяся въ нѣсколькихъ стахъ футахъ отъ мѣста пожара. Такія мѣста легко узнать уже издали, потому что земля никогда не замерзаетъ около нихъ и даже зимою, когда окрестности покрыты снѣгомъ, — здѣсь произрастаетъ роскошная растительность. Окрестные жители воспользовались этимъ даровымъ тепломъ и устроили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пластъ угля уже выгорѣлъ и куда огонь слѣдовательно не возвратится болѣе, обширныя теплицы, въ которыхъ разводятся орхидеи, ананасы и другія тропическія растенія. Теплицы эти нагрѣваются посредствомъ трубъ, проводящихъ горячіе пары изъ подземныхъ отверстій многочисленными изгибами подъ гряды и дорожки и выходящихъ затѣмъ наружу за противоположную стѣною зданія. Несмотря на то, что парамъ приходится пройти такимъ образомъ чрезъ цѣлый лабиринтъ каналовъ, они теряютъ такъ мало своего первоначальнаго тепла, что работающія въ теплицахъ женщины грѣютъ обыкновенно на выходныхъ отверстіяхъ трубъ кофе, приносимый ими съ собою изъ дому. Для устройства теплицы въ 300 квадратныхъ футовъ достаточно одного отверстия; но нельзя не пожалѣть о работникахъ, которымъ приходится обдѣлывать и выкладывать его камнемъ; они рискуютъ прожечь себѣ подошвы, если не подложатъ подъ ноги досокъ, потъ льется градомъ съ бѣдняковъ и рѣдкій изъ нихъ въ состояніи выдержать въ этой нечистой работѣ до конца.

угливаніи дерева, получается изъ 100 фунтовъ каменнаго угля отъ 40 — 60 фунтовъ кокса.

По наружнымъ признакамъ различаютъ слѣдующія видоизмѣненія каменнаго угля: смолистый уголь, листоватый, свѣчпой (Candle-Cool), служащій, какъ показываетъ уже самое названіе преимущественно для добыванія свѣтильнаго газа, и нѣкоторыя другія. Въ промышленности принято различать спекающійся и неспекающійся каменный уголь; первый размягчается при накаливаніи и даетъ коксъ съ болѣе или менѣе ясными признаками сплавленія.

4) *Бурый уголь или лигнитъ* (отъ латинскаго lignum — дерево) содержитъ иногда слѣды обугленныхъ деревь, пней, листьевъ, иногда же представляетъ сплошныя отдѣльныя массы плотнаго, слоистаго или землистаго сложенія. Цвѣтъ его бурый и желтый; блескъ жирный, иногда совсѣмъ тусклый. Сто фунтовъ содержатъ отъ 50 до 70 фунтовъ чистаго угля. Лигнитъ горитъ съ пламенемъ и дымомъ, испуская непріятный запахъ, и оставляетъ по сгараніи золу, количество которой, смотря по видоизмѣненію, разнится отъ 1 до 58 процентовъ. По нагревательной силѣ онъ долженъ быть поставленъ выше обыкновеннаго дерева, потому что однимъ фунтомъ его можно вскипятить отъ 40 до 58 фунтовъ воды. Этотъ родъ ископаемаго угля

менѣе всѣхъ годится для приготовления кокса и употребляется на топливо обыкновенно въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ его добываютъ изъ земли. Также какъ и каменный уголь, онъ часто содержитъ значительную примѣсь сѣрнаго колчедана и можетъ въ такихъ случаяхъ быть съ выгодою употребляемъ для добыванія квасцовъ и желѣзнаго купороса.

Лигнитъ представляетъ слѣдующія видоизмѣненія: смолистый уголь или гагать, отличающійся смолисто-чернымъ цвѣтомъ и плотнымъ сложеніемъ и легко принимающій политуру. Въ торговлѣ онъ извѣстенъ также подъ именемъ чернаго янтара и употребляется на выдѣлку разныхъ мелкихъ вещицъ, пуговокъ, запонокъ и другихъ украшеній. Обыкновенный бурый уголь, чернаго или чернобураго цвѣта; по сложенію своему это видоизмѣненіе очень походитъ на дерево. Болотный уголь, замѣчательный по свойству растрескиваться на кубическія части и не имѣющій никакихъ слѣдовъ деревянистаго сложенія. Древоподобный уголь или смолистое дерево, наиболѣе приближающійся къ первоначальному виду растений и находимый часто цѣлыми деревьями и стволами, такъ что его можно употреблять не только на топливо, но и на вырѣзываніе и вытачиваніе разной посуды и даже на постройку домовъ. Землистый уголь, веще-

ство желто-бураго и бураго цвѣта, землистаго свойства, употребляемое въ смѣшеніи съ соломою на выдѣлку кирпичей, которые даютъ довольно хорошее топливо, — и нѣкоторыя другія рѣже находимыя отличія.

Наконецъ къ видамъ ископаемаго угля можетъ быть отнесенъ и

5) *Торфъ*, образующійся изъ медленно гниющихъ растений въ моховыхъ болотахъ и низменныхъ мѣстахъ, изобилующихъ стоячею водою. Наружный видъ и свойства торфа, смотря по мѣсту и давности его образованія, равно какъ по роду растений, которымъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, бываютъ весьма разнообразны. Обыкновенно онъ представляетъ рыхлую, войлокообразную массу бураго или темно-бураго цвѣта и содержитъ много неразложившихся растительныхъ остатковъ, волоконъ, корней и пр. Въ торфѣ болѣе древняго образованія волокнистое сложеніе уступаетъ мѣсто землистому, которое переходитъ иногда въ такое мелкозернистое, что изломъ его представляется совершенно гладкимъ и матово-блестящимъ, на подобіе воска. Тогда какъ кубическій футъ перваго вѣситъ едва 8 фунтовъ, вѣсъ втораго, взятаго въ равномъ по объему количествѣ, доходитъ до 70 фунтовъ. Въ средней сложности торфъ содержитъ около 57 процентовъ угля, а количество

зола, остающейся по сгараніи, можетъ колебаться отъ 1 до 30 процентовъ, смотря по свойствамъ воды, въ которой онъ образовался. Большая часть торфовъ горитъ съ пламенемъ и даетъ легкій уголь, скоро превращающійся въ золу бураго цвѣта. По нагрѣвательной способности хорошіе сорта стоятъ въ ряду топливъ нѣсколько выше обыкновеннаго дерева. Одинъ фунтъ этого горючаго матеріала можетъ нагрѣть до степени кипѣнія отъ 18 до 34 фунтовъ воды.

Торфъ принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ ископаемымъ топливамъ и служитъ для многихъ странъ почти единственнымъ горючимъ матеріаломъ.

Всѣ исчисленные виды ископаемаго угля находятся, за исключеніемъ графита, который не составляетъ собственно топлива и потому можетъ быть оставленъ безъ вниманія, цѣлыми горными массами, образуя значительные пласты или слои преимущественно въ такъ называемыхъ каменноугольной, молассовой и наносной формаціяхъ. Для читателей, незнакомымъ съ геологическими терминами, необходимо однако же пояснить, что собственно подразумевается подъ словомъ формація.

Когда земля наша, находившаяся, какъ доказываютъ новѣйшіе геологи, основываясь на изслѣдованіяхъ науки, первоначально въ огненножид-

комъ (расправленномъ) состояніи, остыла до известной степени, то водяные пары, которыми была въ то время въ избыткѣ насыщена окружающая ее атмосфера, сгустились на застывшей оболочкѣ земнаго шара, какъ сгущаются пары на сосудѣ съ холодной водою, внесенномъ въ теплую комнату, и образовали безбрежный океанъ, затопившій въ полномъ смыслѣ слова всю поверхность нашей планеты. Между тѣмъ огненножидкая масса, сжимаемая болѣе и болѣе остывающею оболочкою, разорвала наконецъ тонкую кору и, вырвавшись въ безчисленные трещины на поверхность ея, образовала первыя возвышенности и горные края, представлявшіеся въ видѣ острововъ, окруженныхъ океаномъ. Кипящія волны этого океана вскорѣ разрушили поверхность гранитной обложки земли; съ пониженіемъ температуры успокоилось волнующееся море и изъ обломковъ огненныхъ или плутоническихъ горныхъ породъ ⁽¹⁾ образовались мало по

(1) Горными или горнокаменными породами называются въ геологіи всѣ твердыя минеральныя массы, существенно послужившія къ образованію земли. Въ этомъ смыслѣ къ горнымъ породамъ принадлежитъ также и сыпучій песокъ, несмотря на то, что отдѣльныя частицы его не имѣютъ между собою связи. Если онѣ образовались при содѣйствіи огня и носятъ на себѣ признаки первоначально расплавленнаго состоянія, то ихъ называютъ огненными или плутоническими. Минеральныя массы, осѣв-

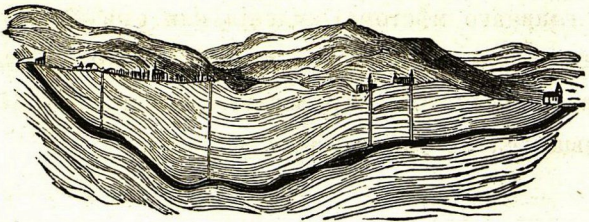
малу такъ называемыя водныя или осадочныя породы, занимающія бѣльшую часть земной поверхности. Спокойствіе это продолжалось однако же не долго; огненная масса, еще клокотавшая во внутренности, пробиваясь то тутъ, то тамъ на поверхность, разрушала и ломала слои породъ осадочныхъ, измѣняя ихъ первоначально горизонтальное положеніе въ наклонное и даже отвѣсное и наполняя происшедшія отъ потрясеній трещины. Изъ бассейновъ водъ отложились постепенно новые осадки, новые пласты, въ массѣ которыхъ погребены остатки организмовъ, представителей животной и растительной жизни того періода, въ который происходило образованіе этихъ осадочныхъ породъ. Группы такихъ пластовъ, или — какъ ихъ называютъ въ геологіи — флещовъ единовременнаго образованія, представляющихъ иногда рѣзкія отличія, извѣстны въ наукѣ подъ именемъ формаций, получившихъ каждая свое особенное названіе или отъ главнаго мѣстонахожденія или отъ какой либо преобладающей въ ней горной породы. Такимъ образомъ геологія насчитываетъ, 8 формаций, образовавшихся въ слѣдующемъ порядкѣ:

шія изъ воды большею частію въ видѣ слоевъ, образуютъ водныя или нептуническія горныя породы.

- 1) Сѣрой вакки,
- 2) Каменно-угольная,
- 3) Цехштейновая,
- 4) Триа́са,
- 5) Юрская,
- 6) Мѣловая,
- 7) Молассовая и
- 8) Наносная.

Но возвратимся послѣ этого необходимаго отступленія къ ископаемому углю. Главнѣйшія накопленія этого угля, какъ сказано выше, встрѣчаются преимущественно въ каменноугольной, молассовой и наносной формаціяхъ, образуя здѣсь пласты, стелющіеся иногда почти горизонтально на значительное протяженіе, какъ это замѣчено напр. въ Англіи. Еще чаще впрочемъ флецы угля бываютъ расположены въ болѣе или менѣ значи-

Чертежъ 1.

Разрѣзъ каменноугольнаго бассейна въ Сентъ-Этьенъ (St. Etienne), въ Департаментѣ Лоары. Четыре вертикальныя линіи изображаютъ шахты, ведущія къ каменноугольнымъ пластамъ.

тельныхъ углубленіяхъ или котловинахъ, какъ изображено на чертежѣ 1.

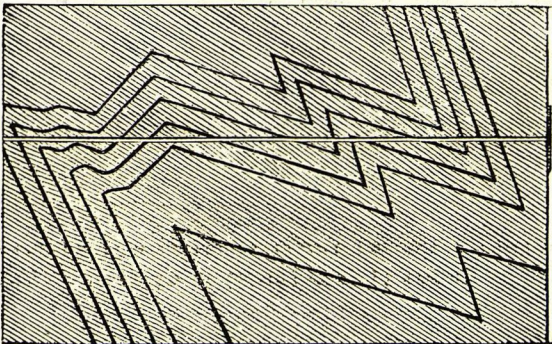
Въ слѣдствіе позднѣйшей подземной дѣятельности, поднятій и опусканій ниже лежащихъ горныхъ породъ и давленія съ боковъ, первоначальное положеніе пластовъ потерпѣло значительныя измѣненія. Они являются или наклоненными къ горизонту, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совершенно отвѣсными, изогнутыми (см. черт. 2.), из-

Чертежъ 2.

Разрѣзъ двойнаго каменноугольнаго бассейна близъ Сентъ-Пьеръ-ла-Куръ (St. Pierre-la-Cour) во Франціи. G слои сѣрой ваки; C конгломератъ; St каменноугольная формація; t третичные слои.

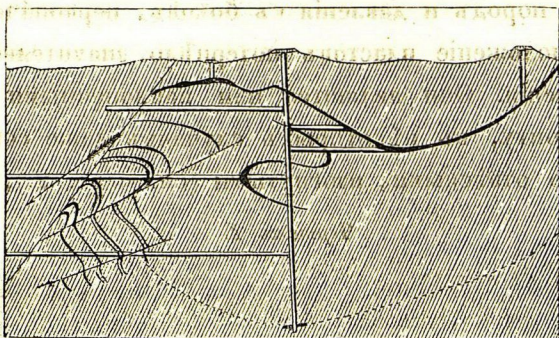
Чертежъ 3.

Изломанные сигзагомъ пласты каменнаго угля близъ Карьеруа (Carleroi) во Франціи.

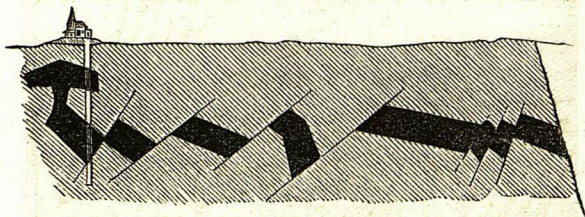
ломанными зигзагами (см. черт. 3), разорванными и исковерканными самымъ различнымъ образомъ (см. черт. 4. и 5).

Чертежъ 4.

Изогнутые, разорванные и сдвинутые пласты угля близъ Вьель-Помпъ (Vieille-Pompe), въ Департаментъ Саоны и Лоары. Вертикальныя линіи изображаютъ шахты, горизонтальныя штольны (подземныя галереи, устраиваемыя для разработки камешно-угольныхъ копей и рудниковъ).

Чертежъ 5.

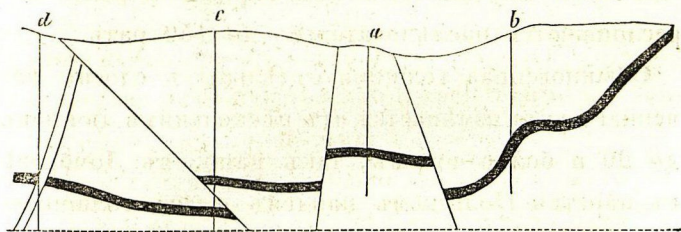

Изломанный и сдвинутый пластъ каменнаго угля близъ Вьель-Помпъ (Vieille-Pompe) во Франціи.

Подобныя неправильности расположенія пластовъ, разумѣется, много затрудняютъ и правиль-

ную разработку каменно-угольныхъ копей. При развѣдочныхъ работахъ, производимыхъ для опредѣленія толщины угольнаго пласта, глубины, на которой онъ лежитъ, а также и числа отдѣльныхъ слоевъ, просверливаютъ обыкновенно съ помощію землеробнаго бура буровыя скважины, т. е. отвѣсныя отверстія въ землѣ. Если пласты расположены правильно, то достаточно одной такой скважины, въ противномъ же случаѣ необходимо сдѣлать по крайней мѣрѣ три, располагая ихъ равностороннимъ треугольникомъ.

Чертежъ 6.

Различныя возможныя неправильности въ расположеніи угольнаго пласта; *a*, *b*, *c* и *d* буровыя скважины.

Такъ напр. въ пластѣ, изображенномъ на 6-омъ чертежѣ, буровая скважина *a* показала бы среднюю, но не наибольшую и меньшую глубину, на которой залегаеетъ пластъ; толщина или мощность пласта въ *b* была бы почти втрое противъ дѣй-

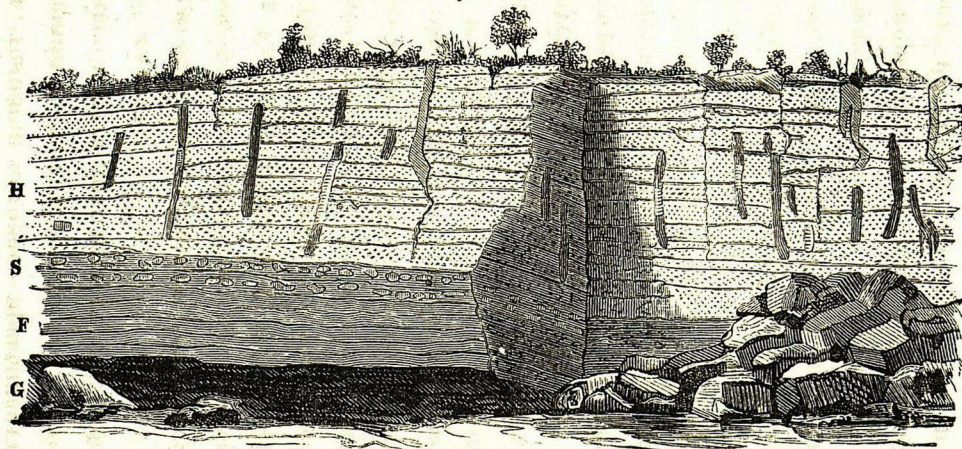
ствительной, потому что буръ прорѣзалъ бы здѣсь пластъ діагонально. Скважина *c* проходитъ дважды чрезъ одинъ и тотъ же сдвинутый пластъ и вводитъ въ заблужденіе относительно числа слоевъ. Наконецъ при буровомъ отверстіи *d*, проходящемъ чрезъ трещину въ пластѣ угля, наполненную какою нибудь другою горною породою, самый слой угля останется вовсе незамѣченнымъ.

Слои ископаемаго угля перемежаются обыкновенно различной толщины слоями сланцеватой глины, песчаника и известняка, заключающими въ себѣ много отпечатковъ листьевъ, древесныхъ стволовъ и другихъ частей растеній (см. чертежъ 7.) Извѣстны случаи, гдѣ эти горныя породы переслоиваются послѣдовательно до 150 разъ.

Обыкновенная толщина отдѣльныхъ слоевъ каменнаго угля измѣняется отъ нѣсколькихъ дюймовъ до 20 и болѣе футовъ, такъ напр. въ Домбровѣ въ царствѣ Польскомъ найденъ флець толщиною въ 42 фута, тогда какъ Стаффордшейрскій пластъ, выставленный во всей своей толщинѣ передъ хрустальнымъ дворцомъ на всемірной выставкѣ въ 1851 году въ Лондонѣ, по мощности одинъ изъ значительнѣйшихъ во всей Англій, со всѣми пропластками и прослойками составлялъ только 20 футовъ.

Бурый уголь встрѣчается гораздо значительнѣй-

Чертежъ 7.

Отвѣсностоящіе ископаемые древесные стволы въ слояхъ каменноугольнаго песчаника, въ Тренильѣ близъ Сентъ-Этьена во Франціи. H песчаникъ, F глинистый сланецъ съ почковидною желѣзною рудою; S глинистый сланецъ съ отпечатками растеній; G каменный уголь.

шими пластами; такъ напр. мѣсторожденіе этого ископаемаго въ Циттау, въ Саксоніи, образуетъ пластъ, толщина котораго превышаетъ 64 фута, а во Франціи въ департаментѣ «du Lot» толщина бурого угольнаго пласта доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 300 футовъ.

Число отдѣльныхъ слоевъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ бываетъ также весьма различно; въ Цвиккау въ Саксоніи найдено 9, въ Нью-Кэстлѣ близъ рѣки Тейна (Tyne) 40 флецовъ, переслоивающихся съ пластами глины и песчаниковъ. Мѣсторожденіе угля около Монса (въ Бельгіи) содержитъ 115 стоящихъ разработки пластовъ, а въ западной Англии около Кольбрукдэля (Colebrookdale) насчитываютъ не менѣе 135 слоевъ, составляющихъ въ сложности ярусъ въ 500 футовъ толщины.

Растительное происхожденіе ископаемаго угля не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во многихъ случаяхъ можно съ помощію микроскопа и особаго приготовленія тонкихъ угольныхъ пластинокъ открыть въ нихъ слѣды растительной организаціи, клѣточекъ, волоконъ и пр. Наконецъ находимые во множествѣ въ перемежающихся съ углемъ горныхъ породахъ отпечатки и обугленные остатки листьевъ и вѣтвей (см. черт. 7 и 8 ¹⁾), цѣлые

(¹) Чертежъ 8-й будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ №.

древесные стволы, плоды растений ясно доказываютъ изъ какого матеріала образовался ископаемый уголь. Остается, слѣдовательно, только рѣшить вопросъ какимъ образомъ произошли такія громадныя накопленія растительной массы. Для уясненія этого вопроса необходимо обратить вниманіе на обстоятельства, обусловливающія подобныя же накопленія растительныхъ веществъ въ настоящее время.

(Продолженіе въ слѣд. №.)

ВЪ МАГАЗИНЪ

РУССКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ КНИГЪ

ВАСИЛЬЯ АЛЕКСѢВИЧА ИСАКОВА,

на Невскомъ проспектъ противъ Католической церкви,

ПРОДАЮТСЯ:

BLANCHARD. Les Jeunes Enfants 13-me édition revue et corrigée avec gravures coloriées 1 vol. relié. Tranches dorées 1 rbl. 75 cop., franc de port 2 rbls. 35 cop.

— **A mes Enfants** ou les fruits du bon Exemple, illustrées de dessins, imprimés en 2 couleurs 1 vol. relié. Tranches dorées, 1 rbl. 75 cop.; franc de port. 2 rbls. 35 cop.

CLÉMENCE-MARIE. Récits du coeur. Contes à l'Enfance, illustrés de dessins imprimés à deux teintes 1 vol. relié. Tranches dorées, 1 rbl. 75 cop.; franc de port 2 rbls 35 cop.

CLEMENCE MARIE. La Voix d'une Mère, Nouvelles, à mes amis de 15 ans; édition illustrée de 12 dessins imprimés en deux couleurs 1 vol. Tranches dorées 1 rbl. 75 cop.; franc de port 2 rbls. 35 cop.

La Poupée bien élevée suivie de la Lanterne Magique des petits Enfants, édition illustrée de 12 dessins imprimés en deux couleurs 1 vol. relié. Tranches dorés, 1 rbl. 75 cop.; franc de port 2 rbls. 35 cop.

Les Enfants Studieux qui se sont distingués par leurs progrès rapides et leur bonne conduite, 16 édition revue, corrigée, augmentée et ornée de gravures 1 vol. relié. Tranches dorées 1 rbl. 75 cop.; franc de port 2 rbls. 35 cop.

MALLET M-mé Marie. Le Jeune Touriste ou promenade en France 1 vol. in 4, figures coloriées, 5 rbls.; franc de port 6 rbls.

— Le Bonhomme Justice 1 vol. in 4 avec gravures colorisées 5 rbls.; franc de port 6 rbls.

— Les Contes du Bonhomme Etrennes 1 vol. in 4 gravures colorisées 5 rbls.; franc de port 6 rbls.

MOERING Michel. Album du Jeune Voyageur illustré par Louis Losalle 1 vol. avec gravures coloriées 5 rbls.; franc de port 6 rbls.

III

MÜLLER. Bible du jeune âge, Histoire de L'Ancien et du Nouveau Testament 1 vol. cartonné avec gravures coloriées 2 rbls.; franc de port 2 rbls. 60 cop.

BERQUIN. Histoires, Drame et Contes pour le Jeune âge avec gravures coloriées 1 rbl. 50 cop.; franc de port 2 rbls.

D'AULNAY M-lle Louise. Memoires d'une poupée Contes dédiés aux petites filles, 1 vol. avec gravures coloriées, cartonné 1 rbl. 50 cop.; franc de port 2 rbls.

SANGLIER Louis. Le Théâtre en famille. Drame et proverbes faciles à représenter. 1 vol. cartonné avec gravures coloriées 1 rbl. 50 cop., franc de port 2 rbls.

BOUGEAULT. Précis historiques et chronologiques de la Littérature française depuis ses origines jusqu'à nos jours 2-me édition 1 vol. in 8 1 rbl.; franc de port 1 rbl. 30 cop.

FÉNÉLON. Aventures de Télémaque suivies d'un choix des fables 1 vol. avec gravures 1 rbl. 80 cop.; franc de port 2 rbls. 40 cop.

ULLIAC TREMADEURE M-lle. Les Jeunes Naturalistes ou Entretiens familiers sur les animaux, les végétaux et les Minéraux 6-me édition 2 vol. avec grav. coloriées 3 rbls. 50 cop.; franc de port 4 rbls. 50 cop.

DELAFAYE-BREHIER. Les Enfants de la Providence ou Aventures de Trois Jeunes Orphelins 2 vol. avec fig: 2 rbls.; franc de port 3 rbls.

— Le Collège Incendié ou les écoliers en Voyage 1 vol. avec grav. 1 rbl.; franc de port 1 rbl. 50 cop.

SWIFT. Voyage de Guilliver, illustré de 130 dessins 1 vol, cartonné, 1 rbl. 25 cop., franc de port. 1 rbl. 75 cop.

VIOLETTES. Récits moraux et amusantes traduits de l'Allemand, de Ottmar Lautenschlager 1 vol. avec gravures, cartonné 1 rbl.; franc de port 1 rbl. 50 cop.

GARNIER. Voyages dans l'Hindoustan, l'Indo-Chine 1 vol. avec gravures, cartonné 50 cop.; franc de port 80 cop.

DRIOU, Alfred. Les Glaneurs de L'Ecole Buissonnières, curieuses histoires de Jeunes Robinsons. Modeles. 1 vol. avec gravures colorieés, cartonné 1 rbl.; franc de port 1. rbl 30 cop.

BLANCHARD. Les histoires de grand papa 1 vol. avec gravures colorieés, cartonné, 1 rbl ; franc de port 1 rbl. 30 cop.

BUFFON. Histoire Naturelle des Mammifères, des oiseaux, des reptiles et des poissons 1 vol. avec grav. colorieés, cartonné 1 rbl. 50 cop.; franc de port 2 rbls.

Les Mille et une Nuits, Contes choisies revues pour les enfants 1 vol. avec grav. coloriées, cartonné 1 rbl.; franc de port 1 rbl. 30 cop.

Jeux et exercices des petites filles ou les heureuses vacances 1 vol avec grav. coloriées, cartonné 1 rbl.; franc de port 1 rbl. 30 cop.

Le Magasin des Enfants. Entretiens et Contes choisies illustrés par Pauquet 1 vol. avec gravures coloriées, cartonné 75 cop.; franc de port 1 rbl. 20 cop.

BLANCHARD. Contes et Histoires pour les Enfants ornés de 8 belles lithographies 1 vol. avec fig. coloriées, cartonné 75 cop.; franc de port 1 rbl. 20 cop.

Les Fleurs de l'Enfance, première lecture 1 vol. avec grav. cartonné 50 cop.; franc de port 80 cop.

Печатать позволяется, 19 апрѣля 1858 г.

За Старшаго Ценсора *Н. Берте.*

